

МЫ ЗДЕСЬ ОДНИ

(Пьеса)

Действующие лица:

Мария – 68 лет, учитель русского языка и литературы, носит парик.

Лидия – старшая сестра Марии, перемещается на инвалидном кресле.

Влада – дочь Марии.

Юлия – дочь Влады, около 15 лет.

Врач.

Действие происходит в старой, давно не видавшей ремонта, квартире. Квартира находится на первом этаже, поэтому даже днем жильцам приходится зажигать свет. Вообще включение и выключение света создает дополнительную атмосферу и может использоваться для придания некоторым сценам особого значения. Герои могут нервно щелкать выключателем, или баловаться, или подчеркивать свои фразы, ударяя по кнопкам. Светильники можно разместить по всему периметру, на столе, над диваном и т.д. Большая комната, все стены увешаны картинами, стоит старая стенка, дверцы которой не закрываются, круглый стол, покрытый вышитой скатертью, на столе стопки тетрадей, графин с водой, стакан, ваза с яблоками. Диван с деревянными ручками, несколько стульев, на которые набросана одежда. В полках стенки рамки с фотографиями. Старое трюмо, заваленное всевозможными коробочками и баночками, бумагами. Посередине комнаты большие напольные часы с маятником, они стоят. В комнате боковая дверь, за которой находится комната Лидии.

Действие первое.

Сцена первая.

Входит Мария в блузе и юбке. Блуза не заправлена, пуговицы застегнуты до половины.

МАРИЯ: Это не квартира, а дурдом. Никакого порядка. Где же? Где же? *(Проходит по всей комнате, ищет что-то)* Раньше все лежало на своих местах. *(Кричит)* Влада! Ты не видела мой парик? *(Голос Влады: «Нет. Посмотри в ванной.»)* Как будто в ванную можно попасть. *(Кричит)* Юлия вышла из ванной? *(Голос Влады: «Юлька, выходи! Всем надо умыться!»)*

Входит Влада. Она в блузке и колготках.

ВЛАДА: Сейчас выйдет. *(Роется на стульях, берет юбку)* Гладить надо.

МАРИЯ: Вешать надо.

ВЛАДА: Я сейчас быстро. Мне легче погладить. *(Достает из стенки утюг и покрывало, расстилает на диване покрывало, включает утюг)*

МАРИЯ: А мне легче, когда все лежит на месте.

ВЛАДА: *(Включает светильник)* Какая же здесь темнота.

МАРИЯ: Еще не рассвело.

ЛИДИЯ: Даже если бы и рассвело. Как я раньше жила в этой квартире, и не замечала вечной темноты? Первый этаж – это ужасно.

МАРИЯ: Ужасно, что все разбросано.

ЛИДИЯ: Мама, я как будто в детство вернулась. Конечно, у нас все должно лежать на месте.

МАРИЯ: Нет. Все должно быть разбросано, чтобы никто ничего не мог найти. *(Ищет парик)* Вы хоть мои вещи не трогайте. Ну, где мой парик?

ЛИДИЯ: *(Слюнявит палец, трогает утюг)* Говорю, в ванной посмотри. По-моему он был там.

МАРИЯ: По-твоему. *(Уходит)*

Влада слюнявит палец, трогает утюг, садится на корточки и гладит юбку. Входит Юлия. Она в майке и колготах.

ВЛАДА: А, вышла. Тебе уже надо быть в школе.

ЮЛИЯ: Бабушке тоже уже надо быть в школе.

ВЛАДА: Вот и помоги бабушке найти парик.

ЮЛИЯ: Он в ванной.

Входим Мария, поправляет перед зеркалом парик. Юля садится за стол, кладет голову на руки.

ВЛАДА: Нашла?

МАРИЯ: Нашла. Но все равно вам не мешало бы здесь прибраться. *(Заправляет блузку в юбку)* Поймите, что так жить нельзя. *(Юлии)* А ты что сидишь? Ты сегодня не пойдешь в школу?

ЮЛИЯ: *(Не поднимая головы)* Я тебя жду. Без тебя же все равно не начнут.

МАРИЯ: А что меня ждать? Ты должна прийти и приготовиться к уроку.

ЮЛИЯ: Ты тоже должна прийти и приготовиться к уроку.

МАРИЯ: Милая моя, я преподаю русский язык уже больше сорока лет. Я могу вообще ни к чему не готовиться. *(Надевает пиджак, складывает тетради в пакет)*

Влада выключает утюг, и оставляет его на диване, натягивает юбку.

ВЛАДА: *(Юле)* А ты так пойдешь? Без штанов?

Юля нехотя встает, роется на стульях, вытягивает брюки, одевает.

МАРИЯ: *(Ладе)* Ты сварила кашу для Лиды?

ВЛАДА: Ты же варила.

МАРИЯ: Я не варила.

ВЛАДА: Мам, мне уже некогда. *(Причесывается перед зеркалом, подкрашивает губы)*

МАРИЯ: Звонок через десять минут. Я успею только дойти до школы.

ВЛАДА: А я и так уже опоздала.

МАРИЯ: Я не знаю, что это такое! *(Бросает пакет на стол)* Я не могу в такой обстановке!

ВЛАДА: Пусть Юлька сварит.

ЮЛИЯ: Я не умею.

ВЛАДА: Научишься заодно.

МАРИЯ: Юля не может опаздывать. Ей надо заниматься.

ВЛАДА: Чем? Ну, пропустит первый урок, что ей за это будет? *(Юлии)* Иди быстро, возьми кастрюлю, налей туда молока и насыпь хлопьев. Я вообще не понимаю, о чем речь. Все, побежала. *(Целует Марию в щеку. Юлии)* Иди, вари. *(Уходит)*

ЮЛИЯ: Я не умею.

МАРИЯ: Это не квартира, а дурдом! *(Юлии)* Иди в школу!

ЮЛИЯ: А ты?

МАРИЯ: Мне кашу варить. *(Уходит)*

Юля садится за стол, кладет голову на руки. Открывается боковая дверь. Из нее выглядывает Лидия. Она не видит Юлию. Убедившись, что никого нет, Лидия выезжает на кресле.

ЛИДИЯ: Ушли все? Наконец-то. Наконец-то несколько дорогих часов тишины. *(Подъезжает к стенке, трогает старые фотографии)* Они не умеют ценить тишину. Не понимают, что это такое.

Юлия поднимает голову.

ЮЛИЯ: Баба Лида, ты?

ЛИДИЯ: *(Вздрагивает)* Господи! Ты еще здесь?

ЮЛИЯ: *(Встает)* Уснула. А что, бабушка уже ушла? Нет. Я же только прилегла. Ты давно здесь?

ЛИДИЯ: Я надеялась, что вас никого нет.

ЮЛИЯ: Мы так тебе мешаем?

ЛИДИЯ: Вы орете все утро, как будто пожар, как будто вы здесь одни.

ЮЛИЯ: Ну, так получается.

ЛИДИЯ: А вы здесь вовсе не одни. Я только и жду, когда вы все уйдете, и наступит тишина.

ЮЛИЯ: Я... Я сейчас уйду.

ЛИДИЯ: *(Передразнивает Юлию)* Я сейчас уйду. Я, больной человек, вынуждена сидеть в своей комнате, и ждать, когда вы угомонитесь.

ЮЛИЯ: *(Пятится к выходу)* Меня уже нет.

Входит Мария. Она несет тарелку с кашей и банки с лекарствами.

МАРИЯ: *(Юлии)* Так. Ты еще здесь? *(Видит Лидию, Лидии)* Я сварила тебе кашу. И выпей, пожалуйста, лекарства. *(Ставит тарелку на стол, открывает банки и достает таблетки)* Вот, я положила твои таблетки. Я забегу после второго урока. Если что-то случится, звони. Хотя, что может случиться. *(Берет пакет с тетрадями. Юлии)* Пошли.

Мария и Юлия уходят. Лидия подъезжает к столу, ковыряет ложкой в каше, нюхает, потом возвращается к стенке, берет крупную фотографию мужчины, гладит ее. Разговаривает с фотографией.

ЛИДИЯ: Грустно видеть, во что превратился этот дом. Мой старый родной дом, который я так любила, и который вынуждена была покинуть, как только ты женился на ней. И потом каждый мой приход сюда был мучением, но никогда здесь не было так шумно и душно. *(Ставит фотографию на место, подъезжает к столу, ковыряет ложкой в каше)* Она даже кашу не может сварить. *(Возвращается к стенке)* Она даже кашу не может сварить. Посмотри, что она сделала с твоим домом. Она сказала, Лида, так будет лучше, ты моя старшая сестра и я буду ухаживать за тобой. А что я имею в итоге? Кашу, которую невозможно есть? Комнату, в которой невозможно спать от их постоянных криков? Они же все время кричат. Ты слышишь? Ты слышишь, как они кричат? Сначала звонит будильник, потом они начинают бегать и орать. Юлия, выходи из ванной! Сколько можно умываться! Она, она каждое утро ищет свой парик, а ее дочь каждый день бросает утюг на диване. Как будто они здесь одни. *(Нагибается, открывает дверку и достает бутылку настойки)* И еще они никогда не выключают свет. Они говорят, что делают это для меня, а на самом деле просто забывают выключать. *(Подъезжает к столу, наливает в стакан чуть-чуть настойки, пробует, разбавляет водой, пробует, смотрит бутылку на свет, доликает немного, пробует)* Для аппетита. *(Возвращается к стенке, убирает бутылку)* Как же я люблю, когда они все уходят. И в одиночестве нет ничего ужасного. Ничего ужасного. Я прожила всю жизнь одна и сейчас не хочу никого видеть. *(Подъезжает к столу, берет стакан, нюхает, смотрит на свет)* Ничего ужасного. *(Пьет, ставит стакан)* Для аппетита. *(Потирает руки, берет тарелку с кашей, начинает есть, оставляет)* Я прожила всю жизнь одна и мечтала о тихой и спокойной старости. Почему же в старости мы себе не принадлежим? *(Подъезжает к стенке, берет фотографию)* Я боюсь умереть. И боюсь встретиться с тобой на том свете. Разговаривать отсюда куда как приятнее. Откуда я знаю, кого ты выберешь? Хочешь, чтобы я и там мучилась? *(Ставит фотографию на место, возвращается к столу, берет тарелку, ест кашу)* Конечно, она поступила как всегда правильно. Другого от нее никто и не ждал. Как она могла оставить свою сестру-инвалида? Как только у меня отказали ноги, она кинулась меня спасать. Она всегда была лучше. *(Оборачивается к стенке)* И ты тоже так считал, не обманывай меня. Ты же выбрал ее. *(Продолжает есть)* И это из-за тебя мы не виделись много-много лет. И только когда тебя не стало... *(Ставит тарелку на стол, крестится)* Царствие небесное. *(Берет тарелку, продолжает есть)* Только когда тебя не стало, мы стали общаться. Только тогда я перестала бегать, и смогла поселиться здесь, в своем родном доме, который вынуждена была покинуть, как только ты женился на ней. *(Ставит тарелку, наливает в стакан воду, запикает таблетки)* Чтобы жить. *(Отъезжает от стола, останавливается у стула, перебирает вещи на нем)* Какая безвкусица. *(Объезжает комнату, проводит пальцем по стенке, смотрит пыль, потом останавливается у часов)* Зачем ты приволок этот звенящий гроб? Буд-то бы без него не хватает шума. Она говорит, что ты любил, как бьют эти часы. Наверное, поэтому я не могу их слышать. Они как будто по голове мне стучат. *(Отъезжает от часов, около дивана приподнимает утюг, ставит на место)* Я сказала, чтобы она остановила часы, и она послушалась. Она всегда была послушной. *(Уезжает в свою комнату)*

Тикают часы. Входит Мария. Она забирает тарелку, уходит. Потом возвращается, убирает утюг и покрывало в стенку, закрывает дверцу, но она снова открывается. Собирает вещи со стульев.

МАРИЯ: *(Громко, обращается к Лидии)* У меня окно. Тебе что-нибудь нужно? *(Складывает вещи на диван)* Когда уже все это уберется? *(Лидии)* Слышишь? Я пришла. *(Проходит в комнату Лидии, выходит с судном, уходит в противоположном направлении, возвращается, встает напротив двери в комнату Лидии)* Ну за что? За что ты опять надулась на меня? За то, что я здорова, а ты больна? Лида, это глупо. Глупо обижаться на человека за то, что он ухаживает за тобой. Было бы лучше, если бы мы вдвоем сидели в кресле? *(Пауза)* Хорошо, можешь не разговаривать со мной. Только скажи, нужно тебе что-то или нет. *(Пауза)* Мне трудно понять, что все это значит. Но, ты

знаешь, с тех пор, как ты сбежала, а назвать по-другому я это не могу, именно, сбежала, так вот, с тех самых пор я тебя не понимаю. Что означают эти твои вечные смены настроения? *(Пауза)* Хорошо. Как знаешь. Раз тебе ничего не нужно, я пойду обратно в школу. *(Выключает светильники, уходит)*

Из комнаты выезжает Лидия.

ЛИДИЯ: Это все из-за тебя. Это ты разлучил нас с сестрой. Она не заслужила такого отношения. Откуда ей знать, из-за чего я сбежала. Ей и невдомек. Она старается изо всех сил, а, между прочим, совсем ни в чем не виновата. Скорее надо винить тебя. Удивительно, как ты вообще прибился к одной гавани, и как прожил с ней столько лет. Чуть-чуть не дотянул до золотого юбилея. Представляю, какой бы вы закатали пир. И, конечно, прислали бы мне открытку с приглашением. Дорогая Лида, приглашаем тебя на наше семейное торжество по случаю...ля-ля-ля, ля-ля-ля. Рады будем видеть тебя. Она-то всегда была рада видеть меня. Только вот я стала ненавидеть ее. Ты слышал, как она подавляет раздражение? Как ей хочется запустить в меня судном, а она спокойно спрашивает, чем она может мне помочь? Бедняжка. Она делает это совершенно искренне. Также, как хранит твою память. Не дом, а музей памяти благочестивого мужа. Она развесила твои картины, расставила везде твои фотографии и дипломы. Надо было сложить твой прах в урну и поставить ее вот на этом столе. Какой прекрасный пример. Папа бы сказал это, папа бы сделал то. Тут ни дня без тебя не обходится, так что твоя урна вписалась бы. *(Устраивается поудобней, закрывает глаза, зевает)* Надо пользоваться тишиной. В старости мы себе не принадлежим, поэтому надо пользоваться тишиной. *(Зевает, засыпает)*

Тикают часы. Входит Юлия. Она видит, что Лидия спит, подходит на цыпочках, водит рукой перед глазами Лидии. Потом так же тихо подходит к часам, открывает и запускает маятник, смеется, уходит. Тикают часы, потом часы начинают бить. Лидия испуганно вертит головой, машет руками.

ЛИДИЯ: Что? Что? Невозможно! Кто запустил часы? Этот ужасный звук! Как будто мне по голове стучат. *(Подъезжает к часам, останавливает маятник)* Это очень глупая шутка! *(Сникает, опускает голову)* Меня здесь все ненавидят. Я обуза, горькая обуза. *(Уезжает в свою комнату, закрывает двери)*

Входит Юлия, она подсматривала из-за угла, теперь радуется, что ее шутка удалась.

ЮЛИЯ: Так тебе и надо, старая баба Лида. Старая баба Яга. *(Показывает язык в сторону комнаты Лидии)* Сварливая старуха, так тебе и надо.

Входит Мария с пакетом.

МАРИЯ: Я слышала, как будто били наши часы.

ЮЛИЯ: Тебе показалось. Они стоят.

МАРИЯ: Наверное. *(Проходит в комнату, выкладывает тетради на стол)* Я очень советую тебе разобраться вон в той куче на диване. *(Юлия издает недовольный звук)* Иначе вся эта куча полетит в мусоропровод.

ЮЛИЯ: Ну там не только мои вещи. Там еще мамины.

МАРИЯ: А мама разберет свои. Или я и их выкину в мусоропровод.

ЮЛИЯ: Достали. *(Идет к дивану, начинает вытягивать свои вещи из общей кучи)*

МАРИЯ: *(Снимает парик, кладет его у трюмо, переставляет банки, перекладывает бумажки)*
Что это за выражения? Ты можешь сказать: мне не хочется, мне надоело слушать твои упреки. Употребляй, употребляй богатый русский язык.

ЮЛИЯ: Зачем тратить уйму слов, если свои чувства можно выразить одним?

МАРИЯ: Ну ты же не Маяковский, чтобы выражать свои мысли одним верным словом.

ЮЛИЯ: Я не Маяковский.

МАРИЯ: А теперь сложи все аккуратно и убери в шкаф.

(Юля нехотя складывает вещи)

ЮЛИЯ: Теперь я понимаю, почему мама так не хотела возвращаться к тебе.

МАРИЯ: Твоя мама такая же лентяйка, как ты.

ЮЛИЯ: Ну вот тут ты можешь упрекать только себя. Это же ты ее так воспитала.

МАРИЯ: Не все зависит от воспитания. Я воспитывала ее совсем по-другому.

ЮЛИЯ: Но результат-то на лицо.

МАРИЯ: Не тебе судить, как правильно воспитывать детей.

ЮЛИЯ: А как их правильно воспитывать?

МАРИЯ: Сложила? Теперь убери в шкаф. *(Юлия нехотя подходит к стенке, закидывает вещи в шкаф)* Ну что ты делаешь? Так же все помнется.

ЮЛИЯ: Они и так мятые.

МАРИЯ: Мятые. *(Забирает у Юлии вещи, складывает сама)* Как дети малые. Нельзя жить, когда все вокруг захлавлено.

ЮЛИЯ: Почему?

МАРИЯ: Потому.

ЮЛИЯ: Педагогический ответ.

МАРИЯ: Ты достаточно взрослая, чтобы понимать почему. И задаешь мне вопросы только чтобы позлить.

ЮЛИЯ: Но я действительно не понимаю, зачем все убирать, убирать, потом опять доставать, опять убирать. Вещи должны быть там, где они нужны, а не на третьей полке в шкафу в бабушкиной комнате.

МАРИЯ: Это только, если они нужны.

ЮЛИЯ: Мне были нужны.

МАРИЯ: Милая моя, я даже не сомневаюсь, что и половины из того, что лежало на этих стульях, ты не собиралась носить в ближайшую неделю.

ЮЛИЯ: Ну, я же убрала.

МАРИЯ: Убрала. Бабушка за тебя все убрала. Как там Лида? *(Идет к Лидиной комнате, заглядывает в дверь)* Спит. Ну, и хорошо. *(Садится за стол, начинает что-то писать в тетради)*

ЮЛИЯ: *(Подходит к столу, садится, подложив под себя ногу)* Она сегодня набросилась на меня с утра.

МАРИЯ: У нее плохое настроение. Она и со мной не разговаривает.

ЮЛИЯ: Ба, я ее боюсь.

МАРИЯ: Лиду?

ЮЛИЯ: Ага. Она похожа на колдунью. Может, она там целый день колдует, и нам от этого потом будет что-то плохое.

МАРИЯ: Не говори глупостей.

ЮЛИЯ: А что? Водит, водит там своими рученками и бормочет, бормочет.

МАРИЯ: Да, Лида странноватая, но уж точно не колдунья. Все старые девы странноватые.

ЮЛИЯ: Она дева?

МАРИЯ: Старая дева.

ЮЛИЯ: Что старая, это я вижу. Но что, она, типа, никогда ни с кем?

МАРИЯ: Она не вышла замуж. Поэтому и странноватая.

ЮЛИЯ: Странноватая? Да она *(шепотом)* сумасшедшая.

МАРИЯ: Разума в ней больше, чем в нас с тобой вместе.

ЮЛИЯ: У-гу.

МАРИЯ: Она помнит по именам всех героев Панфиловцев.

ЮЛИЯ: Мало ли что она помнит. Шизофреники еще не то помнят, или там аутисты.

МАРИЯ: Сядь нормально. *(Юлия опускает ногу вниз)* Что за дурацкая манера, подкладывать ноги под себя? Потом вся спина будет кривая.

ЮЛИЯ: Ба, а ты в детстве была идеальным ребенком? Ну, там ничего, ноги под себя не подкладывала, ручку правильно держала.

МАРИЯ: Я никогда не хамила старшим и выполняла все, что мне говорили.

ЮЛИЯ: Ну да, конечно.

МАРИЯ: *(Отрывается от тетради)* Мне даже в голову не приходило нагрубить или ослушаться. И дедушка твой был в детстве очень спокойным. Но тогда были другие времена. *(Продолжает писать, Юлия берет яблоко, грызет)* Не чавкай.

ЮЛИЯ: Ба! Дай яблоко поесть!

МАРИЯ: А от вас сейчас только и слышно, что возражения и недовольство. Каждое замечание вызывает возражение и недовольство. Почему?

ЮЛИЯ: Почему?

МАРИЯ: Потому что никакого воспитания.

ЮЛИЯ: Ба, а вот если бы мы с тобой все время жили, а не с папой, ты бы меня воспитала?

МАРИЯ: Теперь тебя уже поздно воспитывать, но хоть какие-то манеры привить можно.

ЮЛИЯ: Значит, хорошо, что мы теперь вместе живем. И из меня еще человек получится?

МАРИЯ: Вот о чем я и говорила. Сплошные смешки, и никакого желания вести себя прилично.

ЮЛИЯ: Ну, извини.

МАРИЯ: Без «ну».

ЮЛИЯ: Извини.

МАРИЯ: Толку от твоих извинений.

ЮЛИЯ: Ба, а что ты пишешь?

МАРИЯ: Дневник.

ЮЛИЯ: *(Давится яблоком)* Чего?

МАРИЯ: Не чего, а что. Дневник. *(Отрывается от тетради)* Я записываю все, что со мной происходит, и стараюсь делать это изо дня в день.

ЮЛИЯ: Круто.

МАРИЯ: Не круто, а хорошо. Или замечательно, очень умно, неповторимо. Много еще есть похожих выражений.

ЮЛИЯ: Все равно круто. И это ты каждый день пишешь все. И если взять, например, тетрадь десятилетней давности, то можно все события восстановить?

МАРИЯ: Приблизительно. Я не ставлю дат.

ЮЛИЯ: Погоди. А зачем вести дневник, и не ставить дат?

МАРИЯ: Я пишу его для себя. Мне не нужны даты.

ЮЛИЯ: Круто. *(Мария стучит кулаком по столу)* Ну, хорошо, хорошо, больше не буду.

МАРИЯ: *(Закрывает тетрадь)* Надо что-то готовить на обед. *(Встает, идет к выходу)*

ЮЛИЯ: Ба, а ты где эту тетрадку хранишь?

МАРИЯ: Не скажу. *(Уходит)*

ЮЛИЯ: Ну и не говори. Как будто я сама не найду. *(Встает, подходит к стенке)* Да, дедушка? *(Подмигивает фотоаппарату)* Все мы найдем, если захотим.

Открывается дверь Лидиной комнаты, выезжает Лида.

ЮЛИЯ: Здравсьте, баба Лид.

ЛИДИЯ: Вернулись? А кто это из вас завел часы?

ЮЛИЯ: Не я.

ЛИДИЯ: А кто ж?

ЮЛИЯ: Я не знаю. Я же говорю, не я.

ЛИДИЯ: Ну, не сами же они застучали.

ЮЛИЯ: Да, может, тебе почудилось... или приснилось. Вообще, показалось.

ЛИДИЯ: *(Приближается к Юлии)* Я знаю, что это ты.

ЮЛИЯ: *(Кричит)* Ба!

ЛИДИЯ: *(Прижимает Юлию к стенке)* Ты хоть представляешь, как я испугалась?

ЮЛИЯ: *(Кричит)* Ба!

Входит Мария.

МАРИЯ: Что у вас здесь происходит?

ЮЛИЯ: *(Марии)* Ба, она опять на меня нападает. Как утром.

МАРИЯ: *(Откатывает кресло с Лидией, Лидии)* Ну что случилось? Что ты набросилась на девочку?

ЛИДИЯ: Она пустила часы. И они били.

МАРИЯ: *(Юлии)* Ты запустила часы?

ЮЛИЯ: Нет.

ЛИДИЯ: Она врет.

МАРИЯ: *(Юлии)* Я тоже слышала, как били часы. Зачем ты обманываешь?

ЮЛИЯ: Я не обманываю.

МАРИЯ: *(Юлии)* Лучше сознайся. Если ты в таком возрасте уже начинаешь врать, что нам ждать потом? *(Пауза)* Ну что ты молчишь? Это ты пустила часы.

ЮЛИЯ: Я.

МАРИЯ: Зачем?

ЮЛИЯ: Хотела ее позлить.

ЛИДИЯ: *(Марии)* Она меня ненавидит.

МАРИЯ: Хорошо, Юля. Иди что-нибудь поделай. Нам надо поговорить с бабой Лидой. *(Юлия уходит)* Зачем ты пугаешь девочку? *(Включает светильники)*

ЛИДИЯ: Если бы ты знала, как я испугалась, когда зазвонили часы.

ЮЛИЯ: У девочки трудный период, ее родители только что развелись. От нее сейчас всего можно ожидать. Но ты-то взрослый человек.

ЛИДИЯ: Я больной человек. И надо иметь уважение...

МАРИЯ: Лида, мне очень трудно с тобой общаться. То ты дуешься на меня неизвестно за что, то требуешь уважения от всех подряд. Ты сама можешь сказать грубое слово, совершенно не подумав, что обижаешь кого-то.

ЛИДИЯ: Мне просто нужна тишина.

МАРИЯ: Да, у нас была тишина, когда мы жили одни. Но у Влады сейчас такие обстоятельства, и ты прекрасно обо всем знаешь. Это ее дом. И мы не можем не пустить сюда мою дочь и мою внучку. Кстати, твою тоже. Хотя, ты, наверное, не чувствуешь этого родства.

ЛИДИЯ: Я их не знаю.

МАРИЯ: Как тебе их знать, если ты жила так далеко от нас? Ты приезжала всего два раза, и даже не явилась на похороны Мити. Я специально отправила тебе срочную телеграмму, но ты так и не приехала.

ЛИДИЯ: Я не получила телеграмму. Я уже говорила.

МАРИЯ: Может быть. Но ты не приехала ни на рождение Влады, ни на мой юбилей. Только когда тебе было удобно, когда ты оказывалась здесь проездом, а это случилось всего два раза.

ЛИДИЯ: Так сложилось.

МАРИЯ: Я не понимаю, не понимаю, почему ты забыла нас тогда. Ты жила, как хотела, не считаясь со мной. А ведь у меня не было человека родней. А ты уехала, ничего не сказав, сразу после нашей с Митей свадьбы. Только прислала открытку, что остановилась в Норильске, и чтобы мы писали тебе туда.

ЛИДИЯ: *(Задумчиво)* Я остановилась в Норильске, в городе, где ночь равна дню.

МАРИЯ: Я не понимаю тебя.

ЛИДИЯ: Я знаю, ты этого не заслужила.

МАРИЯ: *(Опускается перед креслом Лидии)* Лида, милая моя Лида, я так рада, что ты теперь со мной, так рада, что ты вернулась.

ЛИДИЯ: Ты ничего этого не заслужила.

МАРИЯ: Милая, милая Лида.

ЛИДИЯ: А я не заслужила такой любви.

МАРИЯ: Что ты говоришь? Как я могу не любить тебя?

ЛИДИЯ: Я все гналась, гналась. Я так ничего и не догнала.

МАРИЯ: Но ты вернулась. И ты изменилась.

ЛИДИЯ: Знаешь, а в одиночестве нет ничего ужасного.

МАРИЯ: Наверное. Я очень мало была одна.

ЛИДИЯ: В одиночестве нет ничего ужасного.

МАРИЯ: Ты так часто это повторяешь, как будто хочешь убедить кого-то.

ЛИДИЯ: Себя.

МАРИЯ: Что?

ЛИДИЯ: Я говорю это для себя. Я очень боялась одиночества, но в нем, действительно, нет ничего ужасного.

МАРИЯ: Но ты больше не одна. Ты никогда больше не будешь одна.

ЛИДИЯ: Я отвыкла от людей, и они стали меня раздражать. Толпа хуже одиночества.

МАРИЯ: *(Отходит от Лидии)* Не знаю, что тебе сказать. Раньше мне было легко говорить с тобой, тогда, давно. Я и сейчас вижу тебя ту, прошлую, а говорю, как будто с чужим человеком.

ЛИДИЯ: Я не все могу тебе рассказать.

МАРИЯ: Что? Что произошло с тобой?

ЛИДИЯ: Не надо.

МАРИЯ: Когда-то в детстве у нас не было друг от друга секретов. По крайней мере, у меня их не было. Ты была моей половинкой, моим зеркальцем. Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи, кто на свете всех милее. Я слушала тебя безоговорочно, и я знала, что нет ничего надежнее. Но... Когда ты уехала, у меня было такое чувство, что зеркальце разбилось, и я уже никогда не буду всех милее и всех румяней. Мне никто не скажет об этом так, как могла ты.

ЛИДИЯ: Ты была всех милее и румяней.

МАРИЯ: Самое главное, что я тебе верила, потому что ты говорила с любовью. И я так любила тебя. Что с тобой произошло?

ЛИДИЯ: Это было очень давно.

МАРИЯ: Вероятно, это все неприятно для тебя. Но мне кажется, что в нашем с тобой возрасте мы уже можем не иметь тайн. Глядя назад, понимаешь, что уже нечего стесняться.

ЛИДИЯ: Мне пора пить лекарства.

МАРИЯ: Конечно, конечно. *(Подходит к столу, достает таблетки, наливает воду в стакан)* Ты мерила давление?

ЛИДИЯ: Сто шестьдесят на сто.

МАРИЯ: Слава богу. Последний врач выписал тебе правильное средство.

ЛИДИЯ: Они все ничего не понимают. Я хотела тебе сказать, не клади мне больше эти таблетки, они влияют на почки.

МАРИЯ: Все лекарства влияют на почки или на печень. У тебя от них держится нормальное давление. Не вижу смысла от них отказываться.

ЛИДИЯ: Тогда надо прибавить то, от почек.

МАРИЯ: Какое?

ЛИДИЯ: Которое выписал предыдущий врач, а этот сказал не пить, потому что я от него не сплю.

МАРИЯ: Ну, тогда ты опять не будешь спать. *(Достает еще таблетки)* На ночь я дам тебе снотворное.

ЛИДИЯ: Я не сплю от снотворного.

МАРИЯ: Тогда я не знаю, что делать. Хочешь, я позову другого врача.

ЛИДИЯ: Что толку в этих врачах. Они не понимают, как меня лечить.

МАРИЯ: Ну, хоть посмотрит. Может, пора отменить все эти препараты и назначить другие. *(Перебирает коробочки с лекарствами)* Медицина не стоит на месте.

ЛИДИЯ: Раньше мне от всего помогал бисептол. Очень хорошее лекарство. Теперь таких не делают.

МАРИЯ: Ну что ты говоришь? Бисептол это совсем от другого. Просто ты раньше не болела так, как сейчас.

ЛИДИЯ: Маша, я очень боюсь смерти.

МАРИЯ: Я тоже боюсь. Представляю, сколько хлопот свалится на Владку, если я вдруг внезапно скончаюсь.

ЛИДИЯ: Тебе-то что, ты моложе меня на семь лет и здорова.

МАРИЯ: Это я-то здорова? Между прочим, у меня такая же гипертония и такой же диабет, как у тебя. А вены, ты только посмотри на мои вены. *(Подходит к Лидии, демонстрирует свои ноги)* Мне уже лет пятнадцать на диспансеризации говорят, что надо резать от сих и до сих. *(Показывает от живота до ступней)*. И белок в моче, и гемоглобин низкий. Того гляди, отправят на пенсию.

ЛИДИЯ: Ты ходишь.

МАРИЯ: Я и рада бы сесть, да некогда. *(Подает Лидии таблетки и стакан с водой)*

ЛИДИЯ: Ты не понимаешь. *(Запивает таблетки)*

МАРИЯ: Прости. Я сама не знаю, что болтаю. Но знаешь, чего я боюсь больше всего? Того, что мне когда-нибудь придется уйти из школы. *(Забирает у Лидии стакан, ставит на стол)*

ЛИДИЯ: Эта школа вытянет твои последние жилы. Тебе самой уже пора подумать о покое.

МАРИЯ: Покой. Как только я уйду из школы, я начну прислушиваться к себе, начну посещать поликлинику, разболеюсь, слягу. Кто будет нас обслуживать? Если ты рассчитываешь на Владу, то можешь успокоиться. На нее где сядешь, там и слезешь. Сегодня утром случился премилый спор, кто будет варить тебе кашу. Влада сразу убежала на работу, Юля начала ныть, и что? Все пришлось делать мне. Как тебе сегодняшняя каша?

ЛИДИЯ: Я не разобрала.

МАРИЯ: Почему ты никогда меня не похвалишь? Даже если тебе не понравилась каша, неужели так трудно сказать, что было вкусно? *(Пауза)* Я же старалась. Похвалить просто так, чтобы вознаградить человека за труд и потраченное время.

ЛИДИЯ: Не говори со мной как учительница. Я вовсе не твоя ученица.

МАРИЯ: Я всегда так разговариваю.

Входит Юлия с книгой.

ЮЛИЯ: *(Марии)* Ба, ты задала учить письмо Татьяны. Послушаешь?

МАРИЯ: *(Юлии)* Милая моя, ты думаешь, я никогда не слышала письмо Татьяны?

ЮЛИЯ: *(Марии)* Могу не учить.

МАРИЯ: *(Юлии)* А я вызову тебя завтра к доске.

ЮЛИЯ: *(Марии)* Не вызовешь. Ты же не хочешь опозориться на всю школу.

МАРИЯ: *(Лидии)* Интересно, что может опозорить меня перед всей школой? Эта девочка думает, что я постесняюсь поставить ей плохую отметку.

ЛИДИЯ: *(Марии)* Пусть читает.

ЮЛИЯ: *(Марии)* Не ба, давай я тебе одной.

МАРИЯ: *(Юлии)* Читай. *(Садится за стол)*

ЮЛИЯ: Ладно. *(Монотонно)* Я к вам пишу, чего же боле что я могу еще сказать теперь я знаю в вашей воле меня презреньем наказать. Ну, это все знают. *(Подглядывает в книжку)* А, но вы к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня вы не оставите меня.

МАРИЯ: Боже! И это моя внучка. Лида, я действительно могла опозориться на всю школу. *(Юлии)* Не не оставите, а не осудите. С выражением!

ЮЛИЯ: Вы не осудите меня. Сначала я молчать хотела поверьте моего стыда вы б не узнали никогда.

МАРИЯ: Вы не узнали б никогда. *(С выражением)* Сначала я молчать хотела. Поверьте, моего стыда, Вы не узнали б никогда, когда б надежду я имела, хоть редко, хоть в неделю раз... ну, ну.

ЮЛИЯ: Хоть в неделю раз в деревне нашей видеть вас. *(Довольно улыбается)*

МАРИЯ: *(Юлии)* Я не буду вызывать тебя. Я лучше вызову Матвееву. Она вам всем покажет, кто такая Татьяна.

ЮЛИЯ: Спасибо, ба. *(Закрывает книжку, целует Марию в щеку и убегает)*

МАРИЯ: *(Вслед Юлии)* Но что б выучила!

Голос Юлии: «Хорошо, ба. Я к вам пишу чего же боле...»

ЛИДИЯ: Я устала.

МАРИЯ: Не мудрено устать от такого-то невежества.

ЛИДИЯ: Отвези меня. Я хочу прилечь.

Мария встает, катит кресло в комнату Лидии.

МАРИЯ: Я к вам пишу, чего же боле? Что я могу еще сказать? *(Увозит Лидию по дороге гасит светильники)*

Сцена вторая.

Тикают часы. Входит Мария в халате, включает светильник, смотрит на часы, машет рукой, находит наручные часы на столике у трюмо, надвигает очки, смотрит время. Потом проходит к столу, садится, берет часть тетрадей, начинает проверять. Зевает, вносит исправления, откладывает тетрадь, берет следующую. Входит Влада.

ВЛАДА: *(Шепотом)* Не спишь?

МАРИЯ: *(Оборачивается)* Как видишь. Где ты была? *(Продолжает проверять тетрадь)*

ВЛАДА: На работе. *(Кладет сумку на столик у трюмо)*

МАРИЯ: Твоя работа заканчивается в восемнадцать ноль-ноль.

ВЛАДА: Задержалась. *(Начинает раздеваться, бросает вещи на стул)*

МАРИЯ: Ты помнишь о том, что у тебя есть дочь?

ВЛАДА: Помню, мама.

МАРИЯ: Тогда я не понимаю таких задержек.

ВЛАДА: Ты много чего не понимаешь, мама.

МАРИЯ: Я как раз много чего понимаю. *(Откладывает тетрадь)* Тебе не хочется идти домой?

ВЛАДА: С чего ты взяла?

МАРИЯ: С того, что когда вы жили с Андреем, ты приходила гораздо раньше.

ВЛАДА: Иногда я тоже задерживалась.

МАРИЯ: Да. Но сейчас эти задержки становятся постоянными.

ВЛАДА: Хорошо. Я налаживала личную жизнь.

МАРИЯ: И как, наладила?

ВЛАДА: Это был первоначальный этап. Разработка, так сказать, запуск двигателя.

МАРИЯ: Страшно подумать, что будет, когда самолет наберет высоту.

ВЛАДА: Мама! Тебе все шуточки. А я еще очень даже себе женщина.

МАРИЯ: А о Юле ты подумала?

ВЛАДА: Она все понимает. Я ей все объяснила.

МАРИЯ: У девочки стресс.

ВЛАДА: Мама, это у меня стресс, у тебя стресс, у тети Лиды...очень большой стресс, прям... *(Водит руками вокруг головы)* А у Юльки, у нее никакого стресса нет.

МАРИЯ: Это тебе так кажется.

ВЛАДА: Мне кажется? Да в ее жизни ничего не поменялось, она переехала из одной психушки в другую.

МАРИЯ: Прекрати утрировать.

ВЛАДА: Мам, ты разговариваешь со мной заученными штампами. Как Эллочка Людоедочка. Хотя, по идее, должна использовать тот словарный запас, который пытаешься вбить в тупые головы своих учеников.

МАРИЯ: Не хаами.

ВЛАДА: Вот-вот, не хами, это тебе так кажется, ты подумала о том-то. Ты говоришь мне эти фразы все мои сорок пять лет. Они звучат так же, как «сядь ровно», «не ходи без тапок», «не говори, когда ешь, подавишься».

МАРИЯ: Ну спасибо тебе, доченька!

ВЛАДА: *(Садится на диван, закидывает руки за голову)* Да, еще вот эта. Мама, к чему весь этот бессмысленный разговор из набора всем известных фраз. Такие разговоры никогда ничем не заканчиваются, и ты это знаешь.

МАРИЯ: Ты выпила?

ВЛАДА: Да. Я немного выпила. Надо же запускать двигатель.

МАРИЯ: Он хоть хороший человек?

ВЛАДА: А что ты понимаешь под словосочетанием «хороший человек»? Если ты о папе, то нет. Он ни скучен, ни зануден, ни жаден, ни талантлив.

МАРИЯ: Почему так зло?

ВЛАДА: Я же сказала – талантлив. Впрочем, все, что мы имеем от папиного таланта – выставка посредственных работ никому не известного художника.

МАРИЯ: *(Подходит к Владе)* Владочка, но так нельзя. Папа... это было его хобби. Никто не требовал, чтобы он писал шедевры.

ВЛАДА: Лучше бы он писал шедевры, мы бы хоть были богаты.

МАРИЯ: *(Садится рядом с Владой)* Ты не можешь его обвинять.

ВЛАДА: Конечно не могу. Я устала, мам.

МАРИЯ: Я тоже, уже поздно.

ВЛАДА: Я не об этом. Я очень устала. И я только сегодня поняла, как я устала. Столько лет я доказывала Андрею, что достойна любви, столько лет я заглядывала в его глаза, как собака заглядывает в глаза хозяину. И когда окончательно разуверилась увидеть эту любовь, я ушла. Но сегодня, сегодня я опять заглядывала в глаза. И мне сделалось так противно. Ведь любовь не выпрашивают, а, мам?

МАРИЯ: Нет, детка, не выпрашивают.

ВЛАДА: Зачем тогда все это?

МАРИЯ: Надо просто подождать. Все само придет.

ВЛАДА: Опять эти избитые выражения. Поговори со мной как человек, как подруга. Я уже в том возрасте, когда ты можешь обращаться ко мне, как ко взрослому.

МАРИЯ: Но я не знаю, что сказать.

ВЛАДА: Тогда скажи, что ты никогда не сможешь меня понять, потому что у вас с папой не было такой проблемы, потому что он любил тебя, и тебе не приходилось заглядывать в его глаза, как собаке.

МАРИЯ: Наверное.

ВЛАДА: Еще скажи, что тебе никогда не было одиноко.

МАРИЯ: Но мне, действительно, никогда не было одиноко.

ВЛАДА: Тогда мне лучше обратиться к тете Лиде. У нас с ней намного больше общего.

МАРИЯ: Лида очень несчастный человек. А ты нет.

ВЛАДА: Почему ты так думаешь?

МАРИЯ: Потому что ты сейчас поплачешь, и все пройдет. А Лида не умеет плакать.

ВЛАДА: Спасибо, мам. Это я и хотела услышать. *(Обнимает Марию, плачет)*

МАРИЯ: *(Гладит Владу по спине)* Ну, ну...а вообще, плачь, плачь.

Входит Юлия в ночной рубашке.

ЮЛИЯ: *(Щурится от света)* Это вы чего тут?

МАРИЯ: Не чего, а что.

ЮЛИЯ: Ладно, мне-то какое дело. Ба, можно я завтра возьму твой парик?

МАРИЯ: Чего?

ЮЛИЯ: Парик. Завтра ж первое апреля, никому не верю. Я парик одену и всем скажу, что подстриглась. Прикольнo?

МАРИЯ: Нет, нельзя.

ЮЛИЯ: Ну, ба.

МАРИЯ: Сказала, нет. Иди спать.

ЮЛИЯ: Я только всем покажусь и сразу же тебе отдам.

ВЛАДА: Бабушка сказала, иди спать.

ЮЛИЯ: Ладно. *(Уходит)*

МАРИЯ: Завтра уже первое апреля. Скоро лето, экзамены, конец учебного года. Наша новая директриса, как новая метла. Меня могут попросить уйти из школы.

ВЛАДА: Ну и уходи.

МАРИЯ: Не хочу.

ВЛАДА: Тогда не уходи.

МАРИЯ: Вот видишь, тебе тоже нечего мне сказать. Пойдем умоемся.

Мария и Влада встают, уходят обнявшись. Мария возвращается, перекладывает вещи с дивана на стул, достает из дивана простыню, подушку и одеяло, стеллит, ложится, гасит светильник. Тикают часы.

Сцена третья.

Начало третьей сцены полностью повторяет начало первой. Входит Мария в блузе и юбке. Блуза не заправлена, пуговицы застегнуты до половины.

МАРИЯ: Где же? Где же? (*Проходит по всей комнате, ищет парик*) Раньше все лежало на своих местах. (*Кричит*) Влада! Ты не видела мой парик? (*Голос Влады: «Нет. Посмотри в ванной.»*) Как будто в ванную можно попасть. (*Кричит*) Юля вышла из ванной? (*Голос Влады: «Юлька, выходи!»*)

Входит Влада в блузке и колготах.

ВЛАДА: Мам, а ты знаешь, ее нет в ванной.

МАРИЯ: Тогда я пойду посмотрю там. (*Уходит*)

Влада вытаскивает из стопки вещей на стуле юбку, достает из стенки утюг. Возвращается Мария.

МАРИЯ: Нет. В ванной нет. Где же? (*Подходит к трюмо*) Вчера я снимала его здесь. (*Влада расстилает покрывало, включает утюг*) Куда? Куда он мог деться? (*Кричит*) Юля! Юля! Да где ж она? (*Уходит*)

ВЛАДА: (*Включает светильник*) Как надоела эта темень.

Влада слюнявит палец, трогает утюг, садится на корточки и начинает гладить юбку. Возвращается Мария.

МАРИЯ: Это она.

ВЛАДА: Кто?

МАРИЯ: Это Юлька. Она взяла мой парик. Помнишь, вчера она спрашивала, можно ли ей сегодня его взять?

ВЛАДА: И?

МАРИЯ: Она его взяла. Ее уже нет. След простыл. Что мне делать?

Влада выключает утюг, одевает юбку.

ВЛАДА: Иди в шапке. На дворе еще холодно. Она не может тебя подвести, как только ты придешь, она принесет тебе парик.

МАРИЯ: И где я буду его одевать?

ВЛАДА: В учительской.

МАРИЯ: Что, на глазах у всех?

ВЛАДА: Мам, как будто никто не знает, что ты носишь парик. (*Подкрашивается у зеркала*)

МАРИЯ: Никто не знает.

ВЛАДА: (*Удивленно смотрит на Марию*) Да ладно! Вы делаете вставные челюсти в одной клинике, и никто не знает, что ты носишь парик?

МАРИЯ: Я никому не говорю. Это моя трагедия.

ВЛАДА: Думаешь, они сами не видят?

МАРИЯ: Как?

ВЛАДА: Глазами.

МАРИЯ: А что, заметно?

ВЛАДА: Мам. Конечно, заметно.

МАРИЯ: Господи. Но все равно, как я буду его одевать?

ВЛАДА: Пойди в туалет.

МАРИЯ: Не слышала ничего глупее. Как я пойду в туалет в шапке?

ВЛАДА: Мама! Мне пора идти. Разберешься. *(Целует Марию, уходит)*

МАРИЯ: *(Заправляет блузку, застегивается, смотрится в трюмо)* Неужели, так заметно? *(Уходит, возвращается с тарелкой и таблетками для Лидии, ставит все на стол, вынимает таблетки из коробок. Уходя, задерживается у зеркала)* Ну, я ей покажу. *(Уходит)*

Открываются двери в комнаты Лидии. Лидия выезжает на кресле.

ЛИДИЯ: А девочка-то оказалась с характером. *(Подъезжает к стенке, берет фотографию)* Твоя внучка оказалась с характером. Но не всем же быть святой Марией. *(Смеется)* Посмейся со мной. Посмейся над своей святой Марией. *(Ставит фотографию на место)* Нет, девчонка молодец. Она мне нравится. Она как-то оживляет это болото. *(Нагибается, достает из стенки бутылку с настойкой)* Для аппетита. *(Подъезжает к столу, наливает в стакан настойку, разбавляет водой, пьет, возвращается к стенке, убирает бутылку)* Сегодня мне впервые было весело. С тех пор как я вынуждена была покинуть этот дом, который так любила. Они опять не выключили свет. Но сегодня меня это не раздражает. *(Объезжает комнату, останавливается у трюмо, находит пудреницу, смотрится в нее, пудрит щеки, берет помаду, подкрашивает губы)* Для антуража. *(Подъезжает к дивану, приподнимает утюг, ставит на место, машет рукой)* А! Девочка совсем на нее не похожа. Когда она вчера читала стихотворение, я внутренне гоготала. У бабки, которая даже слово «мама» произнесла с выражением, такая бездарная внучка. Или она совсем не понимает смысла слов. *(Пауза, с выражением)* Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает. Рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна. На все случаи жизни. Никто меня не понимает. *(Подъезжает к стенке, берет фотографию)* И ты не понимаешь. Я даже сомневаюсь, слышишь ли ты, что я говорю. И тогда вся жизнь превращается в бессмыслицу. *(Опускает фотографию на колени, закрывает глаза, запрокидывает голову, засыпает)*

Тикают часы. Входит Юлия. Она со злостью бросает портфель, топает ногой.

ЮЛИЯ: Ну, и ты скажи, скажи, что я тебе мешаю. Скажи, что я и здесь лишняя. *(Лидия не реагирует)* Спишь, что ли? *(Трогает Лидию за руку)* Холодная. *(Трогает пальцем голову Лидии, тыкает посильнее)* Опа, откинулась. *(Отскакивает от Лидии, на цыпочках идет к выходу)*

ЛИДИЯ: Подойди.

ЮЛИЯ: *(Вздрагивает, кричит)* А-а! Ты живая?

Лидия трясет головой, взмахивает рукой, фотография падает на пол. Лидия пытается достать фотографию.

ЛИДИЯ: Помоги мне.

Юлия подходит, поднимает фотографию, держит в руках, остается сидеть перед Лидией на корточках.

ЮЛИЯ: Баба Лида, ты колдунья?

ЛИДИЯ: Поставь фотографию на место. *(Юлия ставит фотографию на стенку.)*

ЮЛИЯ: Я думаю, что ты колдунья. И... это хорошо.

ЛИДИЯ: Интересно.

ЮЛИЯ: Ну, в общем, мне нужна твоя помощь.

ЛИДИЯ: Вот как?

ЮЛИЯ: Надо, это, колдануть. Есть один парень. В общем. В общем, ему нравится другая девочка. А надо сделать, чтобы ему понравилась я. Так можно?

ЛИДИЯ: Думаю, да. Расскажи о нем.

ЮЛИЯ: Это Ромка, он на год старше, и встречается со своей одноклассницей Мариной. И вроде он уже обратил на меня внимание, но эта Марина, она, понимаешь... она делает то, что не делаю я.

ЛИДИЯ: Интересно.

ЮЛИЯ: Ну, надо колдануть. Ты можешь мне помочь? Умеешь?

ЛИДИЯ: И что же делает эта Марина такого, что не можешь ты?

ЮЛИЯ: В том-то и дело, что я тоже могу. Ты не понимаешь?

ЛИДИЯ: Целуется?

ЮЛИЯ: Ну ты, баб Лида, даешь! Целуется! *(Наклоняется, шепчет Лидии на ухо)*

ЛИДИЯ: *(Прикрывает рот рукой)* Да ты что!

ЮЛИЯ: Вот так-то. Но я думаю, что это не правильно. Так будешь колдовать?

ЛИДИЯ: Нет, ну в наше время... Они же еще в школе учатся... Хотя этот мальчик, как говоришь его зовут?

ЮЛИЯ: Рома, Роман. Надо полное имя? У меня и фотография есть. *(Поднимает портфель, роется в нем)*

ЛИДИЯ: Этот мальчик напоминает мне одного человека, который тоже хотел все попробовать. *(Юлия достает телефон, ищет в нем фотографию, протягивает Лидии. Лидия смотрит)* Нет, не похож. *(Закидывает голову)* И я помню то сладостное чувство.

ЮЛИЯ: Баба Лида, ты же девственница!

ЛИДИЯ: Кто сказал тебе эту чушь? Мария? Наша святая Мария?

ЮЛИЯ: Так нет?

ЛИДИЯ: Это вовсе не твое дело. И не ее.

ЮЛИЯ: *(Разочарованно)* Так ты не колдунья?

ЛИДИЯ: Нет. Но одно я знаю точно: нельзя уступать сопернице. И тут уже все средства хороши. Так что сделай, девочка, то, что он просит.

ЮЛИЯ: Но...

ЛИДИЯ: А то потом будешь жалеть всю жизнь.

ЮЛИЯ: Из-за этого ты не вышла замуж?

ЛИДИЯ: Это не твое дело. И не ее.

ЮЛИЯ: Я поняла. Я догадливая. *(Юлия берет фотографию со стенки, показывает Лидии)* Да?

ЛИДИЯ: Иди и сделай то, что он просит.

ЮЛИЯ: Обалдеть! Вот это номер! Ты и дед?

ЛИДИЯ: Я не буду говорить об этом с тобой.

ЮЛИЯ: Обалдеть! *(Ставит фотографию на место. Смотрит на Лидию)* Ты права, лучше сделать это. *(Лидия запрокидывает голову, закрывает глаза. Юлия берет портфель)* Пойду и сделаю. *(Уходит)*

ЛИДИЯ: Хотя, может, я и не права. *(Засыпает)*

Тикают часы. Входит Мария. Она ведет за руку заплаканную Юлию. За ними входит Влада.

МАРИЯ: *(Владе)* Еще, как назло, на сегодня назначили педсовет. И свежее предание тут же превратилось в предмет обсуждения. В таком возрасте нельзя преподавать, в таком возрасте потеряна гибкость. Ты не представляешь, какую еще чушь они несли. Их послушать, так я должна кланяться перед каждым учеником, родители которого что-то сделали для школы. Вы, Мария Сергеевна, слишком жестко обошлись с Новиковым, вы же знаете, что его мать работает в префектуре. Да, я знаю, что мать Новикова работает в префектуре, и для меня это ровным счетом ничего не означает!

Лидия открывает глаза.

ВЛАДА: *(Марии)* А что ты сделала этому Новикову?

МАРИЯ: Назвала его хамом и аморальным типом.

ВЛАДА: Ты?

МАРИЯ: Он вывел меня из себя!

ВЛАДА: *(Юлии)* Вот посмотри, что случилось с бабушкой из-за твоего глупого поступка.

МАРИЯ: *(Юлии)* Я не разрешала тебе брать мой парик! Не прикасайся к нему больше! *(Снимает парик, кладет на стол у трюмо)* И как только тебе пришло в голову нацепить этот бант?!

ВЛАДА: *(Подавляя смех)* Да, как тебе только пришло в голову?!

МАРИЯ: Им смешно.

ВЛАДА: *(Улыбается, прыскает)* Но это действительно очень смешно. *(Марии)* И ты могла бы перевести все в шутку. Все-таки первое апреля.

МАРИЯ: *(Юлии)* Не смей даже прикасаться к моему парику! *(Владе)* Я не могла понять, над чем смеется весь класс. Я же не знала, что у меня на голове приколот бант.

ВЛАДА: *(Хохочет)* Я бы тоже умерла со смеху.

МАРИЯ: А я вот не умерла. Я потом краснела на педсовете. Наверное, я, и правда, стара для преподавания в школе. Я уже многого не понимаю. Мне претит вся эта система. И если Красухину я могу даже избить, то Новикову я не имею право сделать замечание. Он тут же жалуется своей мамаше, а я должна переступить через себя и извиниться перед... перед щенком!

ВЛАДА: Хорошо, что сейчас он тебя не слышит, а то бы тебе дали пятнадцать суток за хулиганство.

МАРИЯ: Какие могут быть педагогические методы? Они делают из школы черти что. Я преподаю русский язык, который дан нам от рождения. Если бы вы знали, по каким учебникам мне приходится преподавать! Их написали казахи, а потом эти учебники перевели на русский язык в Интернете. Почему не оставить старые правила? Они же видят, что сегодняшние результаты никуда не годятся, что только старая школа способна давать знания.

ВЛАДА: *(Марии)* Я могла бы сказать тебе, что мир вокруг меняется, но не буду.

МАРИЯ: *(Владе)* Меняется? Да он перевернулся с ног на голову. Все перевернулось с ног на голову. Мне трудно принять то, что я стара и что я безнадежно отстаю от происходящего. Но я преподаю русский язык. Зачем исказить его? Зачем проверять правила? Учителя начальной школы не могут разобрать слово по составу, потому что их учили, что «ться» это окончание, а теперь «ся» это видите ли суффикс. Они окончательно запутывают детей, которые потом боятся русского языка.

ВЛАДА: Это в случае, если учитель начальной школы вообще знает русский.

МАРИЯ: Наш воспитатель группы продленного дня пишет «не» с глаголами слитно. Что мы потом хотим от детей?

ВЛАДА: Сегодня секретарша позвала меня к телефону словами: «Иди, тебе тут с офиса звонят» *(с ударение на первый слог в слове «звонят»)*

МАРИЯ: Нет, я, и правда, стара для преподавания в школе. *(Садится на диван)* Я не вписываюсь в их коллектив. Их не интересует, получают ли ученики знания, им нужны только деньги. Сколько выделили на ремонт, вот, что сейчас главное. Я остаюсь после уроков, я даю консультации по телефону, и не беру за это не копейки. А они, они считают каждую свою минуту: групповые занятия, индивидуальные, и помимо этого еще найдутся ходить на дом.

ВЛАДА: Ты тоже можешь ходить на дом.

МАРИЯ: Я? Я из школы еле ноги приношу. А кто будет ухаживать за Лидой? Кто? Вы?

ВЛАДА: Успокойся. Мам, ну, успокойся. Я же пошутила.

МАРИЯ: *(Лидии)* А почему ты ничего не ела? А лекарства? *(Встает, подходит к столу)* Почему ты не выпила лекарства? *(Наливает воду в стакан, подносит Лидии)* На! *(Лидия послушно принимает лекарства)* А каша уже остыла. Теперь придется варить новую. *(Берет тарелку, уходит)*

ВЛАДА: *(Юлии)* Надо тебе было брать ее парик.

ЮЛИЯ: Мам, я не пойду больше в школу.

ВЛАДА: Перестань. Это так. Она всегда такая, сейчас покричит и успокоится. А в школе никто не знает, что это ты привязала бант. Ей давно пора на пенсию. Что работать в таком возрасте? Ее бы и так вытурили в конце учебного года. Ну, *(Обнимает Юлию)* ну, не плачь. Ну подумаешь, какое горе.

ЮЛИЯ: Мам, я не из-за парика.

ВЛАДА: А из-за чего?

ЮЛИЯ: Не могу сказать.

ВЛАДА: *(Отстраняется, смотрит на Юлию)* Из-за мальчика?

ЮЛИЯ: Да.

ВЛАДА: *(Обнимает Юлию)* Ну это еще больший бред.

ЮЛИЯ: Ничего не бред.

ВЛАДА: Сейчас нет, но завтра ты проснешься и поймешь, что это полный бред. Ну, или не завтра.

Входит Мария.

МАРИЯ: *(Владе)* Жалей, жалей, вырастет, она тебя не пожалеет.

ВЛАДА: *(Марии)* У твоей внучки душевная травма.

ЮЛИЯ: *(Владе)* Не говори ей, она все равно ничего не поймет.

МАРИЯ: *(Юлии)* И не надо на меня злиться, скажи спасибо, что я против воспитания ремнем. *(Подходит к Лидии, перекачивает ее к столу)* Сейчас будет обед.

ЛИДИЯ: Я и сама могла бы.

ЮЛИЯ: Я не буду есть.

ВЛАДА: *(Юлии)* Ну, прекрати. Достаточно бабушкиного горя.

МАРИЯ: Мое горе мало тут кого-то трогает. *(Сбрасывает вещи со стула. Кричит)* Я еще вчера просила все убрать! *(Переносит стул к столу)*

ВЛАДА: Мам, что кричать-то? *(Подбирает вещи, кладет на диван)*

МАРИЯ: *(Кричит)* Убрать, это не значит переложить на диван!

ВЛАДА: Все. Все. Сейчас уберу.

МАРИЯ: Я с самого твоего детства слышу это «сейчас уберу»!

Влада запикивает вещи в шкаф.

ЛИДИЯ: Завтра они их опять развешат по стульям.

ВЛАДА: *(Лидии)* Уж ты бы, тетя Лида, сейчас не встревала.

МАРИЯ: *(Владе)* Не груби тете Лиде!

ВЛАДА: Господи! Господи, сколько можно? Ну хоть что-то, хоть что-то должно меняться. *(Марии)* Ты еще скажи, что папа не потерпел бы такого отношения, и что он никогда не грубил тете Лиде.

ЛИДИЯ: Он не мог мне грубить, мы почти не встречались.

МАРИЯ: *(Кричит)* Не трогайте Митю!

ЛИДИЯ: И он вовсе не был таким святым.

МАРИЯ: *(Лидии)* Что ты имеешь в виду?

ЛИДИЯ: Так, ничего. Что я могу иметь в виду?

ЮЛИЯ: *(Лидии)* Баба Лида, ты ничего не потеряла. Он просто посмеялся бы над тобой.

МАРИЯ: О чем это вы?

ВЛАДА: О чем это они?

ЛИДИЯ: *(Юлии)* Жаль. Ну ты хоть не потеряла достоинства?

ЮЛИЯ: *(Лидии)* Смотри что понимать под достоинством. Если ты о девственности, то нет. Она осталась при мне.

МАРИЯ: *(Лидии)* Что, что ты наговорила девочке?

ЛИДИЯ: *(Марии)* Ничего особенного.

МАРИЯ: *(Лидии)* Лида, ты прожила непростую жизнь. Я не знаю, что с тобой было, но ясно, что жизнь твоя была трудная. Ты и сейчас сохраняешь ясность ума, но я не могу поручиться, что все, что ты делала, было совершено в этом ясном уме.

ЛИДИЯ: *(Марии)* Ты хочешь сказать, что не уверена в моей нормальности.

МАРИЯ: *(Лидии)* Нет, я не замечаю каких-либо уж очень сильных отклонений...

ЛИДИЯ: Но думаешь, что я тронулась.

МАРИЯ: Прости. Но ты не такая, как мы.

ЛИДИЯ: Не такая, как ты. Потому что остальные тоже не похожи на тебя. Когда в тебе это появилось? Эта потребность всех подчинять.

МАРИЯ: Я подчиняю? Да вы все крутите мной, как хотите. У меня нет ничего своего, я целый день занимаюсь только вами, вами, вами.

ВЛАДА: Тетя Лида права. Mam, ты все время командуешь. Твои солдаты уже давно не слушают тебя, но ты все командуешь и командуешь.

МАРИЯ: Хорошо. Я принимаю критику. Достаточно на сегодня ссор и споров. Давайте уже сядем за стол, и спокойно поедим. *(Придвигает стулья)* В конце концов, здесь не городской суд, чтобы с утра до вечера выяснять отношения.

ВЛАДА: Ладно. Давайте все забудем, забудем о парике, о методах воспитания и прочих претензиях.

МАРИЯ: *(Садится за стол)* Конечно. Мы одна семья, мы должны думать друг о друге, а не трепать друг другу нервы. *(Капает в стакан капли, разбавляет водой, пьет)*

ВЛАДА: Mam, ты себя хорошо чувствуешь?

МАРИЯ: Нормально. Все хорошо, доченька.

ВЛАДА: Дай посмотрю пульс. *(Садится напротив Марии, берет ее руку, считает пульс, глядя на часы)* Тебе надо полежать.

МАРИЯ: Сейчас пообедаем, и полежу.

ВЛАДА: Я накрою. *(Встает, уходит)*

МАРИЯ: *(Юлии)* Хоть матери помоги. *(Юлия уходит вслед за Владой)* Ничего, ничего, сейчас все разойдемся по своим комнатам и отдохнем. А завтра...завтра будет новый день. И мы должны держаться вместе, потому что больше у нас никого нет, мы здесь совершенно одни.

Входит Влада, несет тарелки, за ней Юлия с ложками и вилками.

ВЛАДА: *(Марии)* Мам, эта чувырла говорит, что не пойдет больше в школу. Подействуй на нее.

Лидия с интересом наблюдает за происходящим.

МАРИЯ: *(Юлии)* Сядь. Что ты еще удумала?

ЮЛИЯ: Я не пойду больше в эту школу.

МАРИЯ: Почему?

ВЛАДА: Это из-за мальчика. Он не хочет с ней встречаться. Она отвергнута, и наступил конец света.

МАРИЯ: *(Владе)* Во-первых, о человеке, который присутствует, не говорят в третьем лице. *(Юлии)* Во-вторых, школа – это не место для свиданий, а серьезное заведение. И ты туда ходишь не на прогулку, а получать знания.

ЮЛИЯ: Я сказала, что больше в эту школу не пойду.

МАРИЯ: *(На повышенных тонах)* А я сказала тебе сесть, и все обсудить!

Юля садится за стол, Влада тоже садится.

ВЛАДА: *(Юлии)* Послушай, пожалуйста, бабушку.

МАРИЯ: Как ты собираешься жить? Ты думаешь, что из любой ситуации, которая тебе не понравится, ты сможешь выйти вот просто так. Нет, моя милая, бывают такие ситуации, в которых надо участвовать, и которые надо терпеть ради чего-то и кого-то. В данном случае – это твоя школа, и у тебя есть обязанность ее посещать. Сейчас это твоя работа, и мало ли что тебе там не нравится. Поняла?

ЮЛИЯ: Поняла. Но все равно не пойду.

ВЛАДА: *(Юлии)* Как это ты не будешь ходить в школу? А что ты будешь делать?

ЮЛИЯ: Как будто существует только одна школа. *(Владе)* Ты же развелась с папой, когда он перестал тебя устраивать.

МАРИЯ: *(Владе)* А я тебе говорила. Не все можно обсуждать с детьми.

ВЛАДА: *(Марии)* Да, ты мне говорила. Ты мне, вообще, много чего говорила, а я потом много лет избавлялась от комплексов.

МАРИЯ: От каких, от каких комплексов ты избавлялась?

ВЛАДА: От разных. Я думала, что ничего не умею делать, не могу нормально приготовить, или пересолю или недосолю; не могу вести хозяйство, вечно влезаю в кредиты, потому что не умею распределять средства. Не могу, в конце концов, воспитывать ребенка, потому что сама еще ребенок, и все, все делаю не так. Да ты меня до истерии довела своими советами, как мне жить. Почему надо обязательно вытирать посуду? Зачем гладить пеленки с двух сторон? Почему я не могу постирать свои трусы с ее носками? А?

МАРИЯ: Потому что вы и ноги и голову одним полотенцем вытираете. И ты совершенно не имеешь никакого представления о гигиене.

ВЛАДА: Мама, я имею представление о гигиене, просто некоторые твои замечания подобны маразму. Ты живешь по каким-то писанным правилам, но это не значит, что все должны их выполнять. Мир изменился, средства изменились. Зубные щетки уже давно продают в индивидуальных упаковках, и их не надо заваривать кипятком.

МАРИЯ: Ты закончила?

ВЛАДА: Да.

МАРИЯ: Теперь послушай меня.

ВЛАДА: Мама!

МАРИЯ: И не перебивай, я тебя не перебивала. У тебя не самая плохая мать. Мы с отцом, царство ему небесное, жизнь свою положили, чтобы тебя воспитать.

ВЛАДА: Спасибо.

МАРИЯ: И не думай, что это было так просто. Никаких бабок-нянек у меня не было. Это благо, что ты училась в моей школе и была все время под присмотром.

ВЛАДА: Ага. Скажи лучше, что ты контролировала каждый мой шаг.

МАРИЯ: Ну, теперь-то тебя никто не контролирует. Но вернулась-то ты к матери.

ВЛАДА: А вот этого можно было и не говорить.

МАРИЯ: Почему же?

ВЛАДА: Потому что мы опять перешли к избитому сценарию. Мы все говорим одно и то же. И я прекрасно знаю, чем все закончится: мы разойдемся, и будем плакать в одиночку. Потом я приду и попрошу у тебя прощения.

МАРИЯ: Если ты все знаешь, зачем начинаешь?

ВЛАДА: Я хотела сказать совершенно о другом. Я хотела сказать, что иногда надо пойти ребенку навстречу. Если Юля не хочет больше посещать данную школу, не важно, в чем причины, давайте переведем ее в другую. Тем более, что школ в округе навалом.

ЮЛИЯ: Mam, правда?

МАРИЯ: Юля должна учиться выходить из сложных ситуаций.

ВЛАДА: Но это тоже выход. Это тоже выход из сложной ситуации. Что, свет клином сошелся на твоей школе? Почему, почему не помочь?

МАРИЯ: Ты – мать, ты и решай.

ВЛАДА: Нет уж. Я не хочу, чтобы потом ты мне каждый день тыкала этим переводом. Я хочу убедить тебя.

МАРИЯ: *(Машет рукой)* Мне все равно.

ВЛАДА: Мой бывший муж мог бы сказать, что ему все равно, но ты же моя мать, и Юлина бабушка.

МАРИЯ: Что ты от меня хочешь? Хорошо, переводы Юлю в другую школу. Переводи, только не прибегай потом ко мне с жалобами, я ничем не смогу помочь. Была бы это наша школа...

ВЛАДА: Так и в твоей школе ты уже ни на что не сможешь повлиять. Ты через два месяца станешь почетной пенсионеркой.

МАРИЯ: Это еще вилами на воде.

ВЛАДА: Mam, ты посмотри на себя. Тебе надо заняться собой, а не тратить свои нервы на оголтелых детей.

МАРИЯ: Думаешь, это так легко.

ВЛАДА: Стоп! Я знаю, что нам надо сделать. *(Привстает. Марии)* Только не надо бурно реагировать и вызывать скорую. Нам надо переехать!

МАРИЯ: Нет слов.

ЮЛИЯ: Вот, здорово!

ВЛАДА: Правда, нам надо просто переехать в другой район. Это же миллионная выгода. Во-первых, Юлия перейдет в другую школу, во-вторых, ты сможешь уволиться по уважительной причине, сохранить лицо и не смотреть каждый день на унылое серое здание, из которого тебя поперли. В-третьих, у нас, наконец-то, будет светло!

МАРИЯ: Все это очень мило, но совершенно невозможно.

ВЛАДА: Я все возьму на себя. Вам надо будет только сложить чемоданы, и распаковать их на новом месте.

МАРИЯ: Ты не понимаешь, что говоришь.

ВЛАДА: Я все прекрасно понимаю. Это же так просто, как дважды два. И почему мне раньше такое не пришло в голову?

МАРИЯ: Наверное, твоя голова была занята.

ВЛАДА: Mam, я понимаю твой сарказм, но отнесись серьезно.

МАРИЯ: Как мне отнестись серьезно к такой безумной идее?

ВЛАДА: Почему ты считаешь, что мой план невыполним?

МАРИЯ: Потому что я никуда не поеду. И вообще, прекрати этот нелепый разговор.

ВЛАДА: Между прочим, эта квартира – моя. Или ты забыла, что еще при папе все было оформлено на меня?

МАРИЯ: Помню. Только тогда мы думали о том, чтобы тебе было легче в будущем, а не о том, чтобы ты продавала нашу квартиру.

ВЛАДА: Я не собираюсь ее продавать! То есть, конечно, ее придется продать, но только чтобы купить новую. Новую. Не на первом этаже, не сырую и темную, и там не будет под окнами проходного двора.

МАРИЯ: Откуда ты знаешь?

ВЛАДА: Потому что я выберу то, что нас устроит.

МАРИЯ: И кому же ты продашь эту темную, сырую квартиру с проходным двором под окнами?

ВЛАДА: Ха! Вот тут и собака порылась. Эту квартиру у меня оторвут с руками и ногами. Первый этаж – перспектива перевода в нежилой фонд. Здесь будет отличная аптека или парикмахерская.

МАРИЯ: Что ты выдумываешь?

ВЛАДА: Я не выдумываю, я знаю. У нас под окнами дорога, окна выходят на проходную улицу, перспективное место. Да мы только клик кликнем...

МАРИЯ: Глупости.

ВЛАДА: Mam, я уже не девочка. Могу я сделать что-то, от чего всем будет лучше? Неужели тебе самой не надоело все время зажигать свет. Даже когда светит солнце, здесь мрак. Я просто хочу, чтобы нам было светло и комфортно.

МАРИЯ: А Лида? Ты у нее спросила? Готова ли она переезжать?

ВЛАДА: Ты говоришь даже не в третьем лице, а так, будто тети Лиды с нами нет. Давай спросим. Тетя Лида, как ты смотришь на то, что мы переедем в светлую, сухую и теплую квартиру?

ЛИДИЯ: А я не против.

ВЛАДА: Вот. Вот. Что и требовалось доказать. Надо было уже давно переехать.

МАРИЯ: Это не серьезный разговор. Ты несешь всякую чушь, и все мы уже устали от сегодняшних перипетий. Сейчас вообще не время для такого разговора.

ВЛАДА: А когда? Когда, по-твоему, будет время?

МАРИЯ: У меня страшно разболелась голова. Хватит эмоций на один короткий день.

ВЛАДА: Ладно. Но обещай, что мы поговорим об этом завтра.

МАРИЯ: Мы будем обедать?

ВЛАДА: Сейчас принесу. *(Идет к выходу)*

Юлия подсакивает и бежит за Владой.

ЮЛИЯ: Mam, а у нас будет кондиционер?

ВЛАДА: Да что угодно!

Влада и Юлия уходят.

МАРИЯ: Это просто невозможно.

ЛИДИЯ: Мне надо в туалет.

МАРИЯ: Конечно. *(Встает, увозит Лидию в комнату)*

Действие второе.

Сцена первая.

Та же комната, только теперь все уставлено коробками и стопками книг.

Входит Мария, включает светильники. В руках у нее большой мусорный пакет. Мария подходит к стенке и бросает в пакет фотографии. На некоторые фотографии она смотрит, раздумывая,

выкидывать или нет, но потом безжалостно отправляет в мусор. За этим занятием ее застаёт Влада.

ВЛАДА: *(Недоуменно)* Мам, а что это ты делаешь?

МАРИЯ: Выкидываю хлам. Ты же велела выкинуть весь хлам.

ВЛАДА: Но я не имела ввиду... И хватит устраивать тут спектакль. Да, тебе не хочется переезжать, да тебя проводили из школы на заслуженный отдых...

МАРИЯ: Выгнали.

ВЛАДА: Ну, я бы не стала называть просьбу уйти на пенсию в шестьдесят восемь лет словом «выгнали».

МАРИЯ: Называй, как хочешь.

ВЛАДА: *(Отнимает у Марии пакет)* Но вот это-то что?

МАРИЯ: Я же сказала – хлам.

ВЛАДА: *(Вытряхивает содержимое пакета на пол)* Это папины фотографии! Или ты... Что, что я опять не так делаю?!

МАРИЯ: Доченька, но ты тут совсем ни при чем.

ВЛАДА: А что тогда?

МАРИЯ: Так сразу не объяснишь. Понимаешь... Давай присядем.

ВЛАДА: Давай. *(Собирает с пола фотографии, кладет на стол, садится)* Говори.

Мария стоит рядом, держась за стул.

МАРИЯ: Твой папа... твой отец, он не был таким, каким ты его знала.

ВЛАДА: Каким?

МАРИЯ: Таким семьянином.

ВЛАДА: Что ты хочешь сказать?

МАРИЯ: Он, как бы это сказать... Ну, как твой Андрей, ну, уже не твой, а твой бывший муж Андрей... Он жил на две семьи.

ВЛАДА: Мама!

МАРИЯ: Да, детка, так бывает.

ВЛАДА: Я знаю, что так бывает. Но это же папа!

МАРИЯ: А что папа? Он был очень любвеобильным человеком. Но, ты же сама понимаешь, что это встречается сплошь и рядом.

ВЛАДА: А я? Как я могла ничего не знать?

МАРИЯ: Мы не говорили тебе. А зачем? Папа очень тебя любил. И надо отдать ему должное, он никогда нас не бросал. Надолго.

ВЛАДА: Но я даже не помню, чтобы вы ссорились.

МАРИЯ: При тебе – нет. Я не могла этого позволить.

ВЛАДА: *(Встает)* Но ты, ты же должна была расстраиваться, плакать наконец!

МАРИЯ: Я плакала.

ВЛАДА: Мама.

МАРИЯ: Я плакала. *(Вытирает слезы)* И мне до сих пор обидно. Но тогда, тогда не принято было разводиться. И я не хотела иметь статус матери-одиночки, я же работала в школе, воспитывала чужих детей, подавала пример. И все приходилось скрывать.

ВЛАДА: Мама.

МАРИЯ: И плакала я только ночью, одна, над тетрадками. Однажды так залила слезами тетрадь ученика, что пришлось врать, как будто это дождь залился в открытое окно кабинета и размыл чернила.

ВЛАДА: А я помню. Ты в коридоре рассказывала училке математики, что забыла закрыть окно, и дождь замочил тетради.

МАРИЯ: Дождь замочил тетради.

ВЛАДА: Но все-таки. А потом? Потом. Почему ты потом делала вид, что ничего не было? Потом, после его смерти.

МАРИЯ: Знаешь, доченька, его не стало, и все показалось мне не таким уж важным. Мне стало жалко его, как человека. Я долго думала, говорить ли тебе. И решила молчать. Что я уже могла изменить своими рассказами?

ВЛАДА: А сейчас. Зачем ты говоришь мне это сейчас?

МАРИЯ: Потому что мы переезжаем из этой квартиры. И у меня есть возможность наконец-то похоронить память о твоём отце. Я тоже хочу новой и светлой жизни.

ВЛАДА: Я так странно себя чувствую. Не могу даже слов подобрать. Получается, что ты столько лет меня обманывала, чтобы потом, когда мне уже трудно будет переживать события, вывалить мне на голову все это дерьмо?

МАРИЯ: Я не хотела.

ВЛАДА: Что значит, ты не хотела? Ты это сделала. Не легче ли было осведомить меня еще при жизни папы, чтобы потом не пачкать его светлый образ. Да если хочешь знать, ваша любовь была единственным светлом пятном на небосклоне моих семейных отношений!

Из своей комнаты выглядывает Лида. Мария и Влада не видят ее.

МАРИЯ: Дочка, но я же ничего не выдумываю.

ВЛАДА: Лучше бы ты выдумала. Да я считала себя какой-то неполноценной. Почему это мою маму папа любил, а меня вот нет, никак не хотят любить? И почему я, я не могу сохранить семейных отношений, когда у моей мамы это так прекрасно получалось?

МАРИЯ: Дочка.

ВЛАДА: Что дочка? Мама, да ты понимаешь, что ты сделала? Ты еще разбила всякую надежду, это потому что я верила в вас, и верила, что и у меня когда-нибудь все наладится!

МАРИЯ: А знаешь что? Я тоже человек! И у меня тоже наступает предел терпения. Я хотела, как лучше. И я считала, и, кстати, до сих пор считаю, что детей не надо вмешивать в отношения их родителей!

ВЛАДА: Но тогда не надо им вообще ни о чем рассказывать! Ты не могла молчать до самой... до конца? Просто ничего не говорить. Ты можешь представить, что сейчас во мне твориться? Оказывается, что мой идеальный папочка бабник, а моя идеальная мамочка, эта которая педагог, со стажем, моя идеальная мамочка – обыкновенная обманутая женщина! Такая же, как я.

МАРИЯ: Вот именно. Ты не подумала, как мне было тяжело? Я не могла тогда кричать направо и налево, что мой муж изменяет мне со всеми подряд.

ВЛАДА: Подожди. Ты же сказала, что он жил на две семьи.

МАРИЯ: Официально, на две.

ВЛАДА: То есть, женщин было больше.

МАРИЯ: Больше. Чем две. Вот, собственно, почему я и хотела выкинуть все эти фотографии.

ВЛАДА: Ну уж нет. *(Складывает фотографии стопкой)* Я соберу их в отдельную коробку. А потом, когда мы успокоимся, мы решим, что с ними делать.

МАРИЯ: *(Идет к стене с картинами)* Да, и еще вот эти картины. Их тоже убери. *(Видит Лидию)* Лида? Ты, наверное, все слышала. Надеюсь, твои жизненные принципы не затронуты? *(Лидия разворачивается и уезжает в комнату. Мария снимает картины)* А это его хобби. Вечно измалеванные рубашки, эти банки с ацетоном, в которых он отмачивал кисти. *(По-очереди снимает картины и складывает на пол)* Замочит, и все это стоит, воняет, день, два. А то и вовсе забудет, у него там все засохнет.

ВЛАДА: *(Помогает Марии)* А мне нравилось. Мне до безумия нравилось, как пахнет ацетон. А ты говорила, что из меня вырастет наркоманка.

МАРИЯ: И куда теперь это все девать?

ВЛАДА: Вешать на стены ты их больше не собираешься.

МАРИЯ: Нет.

ВЛАДА: Не знаю. Пусть лежат в коробке. А потом мы решим.

МАРИЯ: Когда успокоимся?

ВЛАДА: *(Смеется)* Когда успокоимся.

МАРИЯ: Можно отнести в какой-нибудь салон, и пусть они делают, что хотят.

ВЛАДА: Боюсь, в салон их не возьмут. Пусть лежат в коробке.

МАРИЯ: А я рада, что мы переезжаем. Тут, действительно, очень темно и сыро.

ВЛАДА: Надо принести коробку побольше. Господи, сколько барахла. Я даже не думала, что у нас столько барахла. Где это все лежало?

МАРИЯ: Где-то.

ВЛАДА: Сейчас, я знаю, во что влезут картины. *(Уходит)*

Мария ходит от коробке к коробке, заглядывает в них.

МАРИЯ: *(Кричит)* Влада! А куда мы положили плафоны от чешской люстры? *(Голос Влады: «Я их выкинула»)* И зачем, спрашивается? *(Идет к выходу)* Прежде чем что-то выкидывать, надо посоветоваться. *(Уходит)*

Из своей комнаты выезжает Лидия. Она останавливается у картин. В руках у нее спички, она нервно чиркает спичками, пытаясь зажечь. Когда ей это удастся, она подносит горящую спичку к картинам. Входит Мария. Она бросается к Лидии, отнимает спички.

МАРИЯ: Что ты делаешь?! Зачем тебе спички? Лидия! Ты хотела устроить пожар?

ЛИДИЯ: Я хотела сделать большой костер.

МАРИЯ: Ты сошла с ума!

ЛИДИЯ: Да. Да, я сошла с ума. Только это произошло много раньше.

МАРИЯ: Что ты говоришь?

ЛИДИЯ: Я рехнулась еще в молодости. *(Пытается встать, Мария держит ее)* Очень давно. Еще до того, как покинула этот дом.

МАРИЯ: Лидия. *(Кричит)* Влада, Влада! Помоги мне!

ЛИДИЯ: *(Пытается встать)* Еще до твоего замужества. Много раньше. Еще когда позволила ему овладеть мной.

МАРИЯ: *(Кричит)* Влада! Ну иди же скорее! *(Вбегает Влада.)* Держи ее! *(Вместе держат Лидию)*

ЛИДИЯ: Я думала, что если позволю ему, то он выберет меня. Меня, а не тебя.

ВЛАДА: Что это?

МАРИЯ: Не знаю.

ЛИДИЯ: А он выбрал тебя. Он все равно выбрал тебя. Но если бы я знала, что он такой бабник, если бы я тогда, в молодости знала, разве бы я уехала? Разве бы я покинула этот дом, который так любила. Мне пришлось оставить все. А он даже не посмотрел на меня. Я сказала: я уезжаю. А он даже не ответил. Что мне еще было думать?

МАРИЯ: Лидия, успокойся. *(Владе)* Дай капли.

Влада идет к столу, капает капли в стакан.

ЛИДИЯ: А потом он так же поступил с тобой. Сначала забрал мою жизнь, а потом и твою тоже.

Влада подает Лидии капли, та пьет.

МАРИЯ: Выпей, выпей, сейчас поможет.

ЛИДИЯ: А теперь я сижу в кресле, и у меня не ходят ноги. И я уже ничего не могу исправить.

ВЛАДА: *(Марии)* Это она что, про папу?

МАРИЯ: *(Владе)* Не знаю.

ЛИДИЯ: А я ведь говорила с ним каждый день. Я ведь только с ним и говорила. И все делала только для него. Я бросила свою сестру, а теперь она должна выносить мое говно, как будто ей мало своего. И я почти возненавидела нашу святую Марию, безропотную и любимую всеми.

ВЛАДА: *(Марии)* Может, скорую?

МАРИЯ: *(Владе)* Я не знаю.

ЛИДИЯ: *(Откидывается в кресле)* Маша, прости меня.

МАРИЯ: Господи, да за что?

ЛИДИЯ: Я ведь любила его. Я его очень любила.

МАРИЯ: Дмитрия?

ЛИДИЯ: Не называй этого имени. Я хотела устроить большой костер, сжечь все эти картонки. Посмотри, у тебя обои выцвели, а под картинами остались следы. Ведь все уже давно изменилась, а я так и осталась сумасшедшей. Я так любила его, что ненавидела тебя.

МАРИЯ: Ничего, ничего.

ЛИДИЯ: Что ничего? Что ничего? Ты хоть как-то жила, у тебя вон дочь и внучка, и работа, и... А я? Меня сожрали эта любовь и эта ненависть. И я думала, что виновата, что плохо поступила с тобой, уступив ему. Я так себя корила!

МАРИЯ: И поэтому уехала?

ЛИДИЯ: Уехала. Да. И что у меня была за жизнь? Я не жила, я прозябала. Я дала себе обет, что у меня больше не будет мужчин. Сначала я была на выданье, но недотрогой, потом стала старой девой, потом одиноким отбросом. Не с кем поговорить, кроме него. Только с ним. Сколько он всего знает, как он хохочет там. *(Поднимает палец кверху)* Но знай, я уже не боюсь встретиться с тобой, мерзавец, и мы еще посмотрим, кто над кем будет смеяться. *(Запрокидывает голову)*

МАРИЯ: *(Владе)* Звони в скорую.

ВЛАДА: Ага. *(Убегает)*

Мария наклоняется к Лидии, слушает дыхание, увозит Лидию в комнату. Тикают часы.

Сцена вторая.

Из комнаты Лидии выходит врач. За ним Влада.

МАРИЯ: Я провожу.

Врач спотыкается о кучу картин, они разлетаются.

ВРАЧ: Ой, извините. *(Наклоняется и складывает картины)*

МАРИЯ: Ничего-ничего. Ничего страшного. *(Тоже складывает картины)* Мы переезжаем, поэтому такой беспорядок.

ВРАЧ: Понятно. *(Оба встают)*

МАРИЯ: А эти картины мы раздаем, некуда вешать. Если хотите, возьмите, какая Вам понравилась.

ВРАЧ: *(Наклоняется, перебирает картины)* Даже не знаю. А это что за художник?

МАРИЯ: Неизвестный. Он не подписывал свои картины.

ВРАЧ: Нет, знаете, мне не надо.

МАРИЯ: Как хотите.

ВРАЧ: А если вы не знаете, куда их деть, отнесите в библиотеку.

МАРИЯ: Так и сделаем. *(Проходят через комнату, уходят)*

Из комнаты Лидии выходит Влада. Возвращается Мария.

МАРИЯ: Ну, как она?

ВЛАДА: Спит.

МАРИЯ: Слава Богу, что все обошлось.

ВЛАДА: Да уж. И как ее теперь перевозить? У нее же постельный режим.

МАРИЯ: Надо отложить переезд.

ВЛАДА: Mam, ты соображаешь? У нас в договоре прописан срок, когда мы должны освободить квартиру.

МАРИЯ: Не груби матери.

ВЛАДА: Я нервничаю. Надо было устраивать весь этот цирк? *(Берет со стола фотографии, складывает их в одну из коробок)*

Мария заглядывает в комнату Лидии, прикрывает дверь.

МАРИЯ: Доктор сказал, что картины можно отнести в библиотеку.

ВЛАДА: Мы ничего никуда не понесем. Что бы вы обе там ни говорили, папа все равно останется папой. Он мой отец, понимаешь? И я не могу его судить.

МАРИЯ: Значит, меня ты можешь судить, а его нет.

ВЛАДА: Mam, пойми, у меня совсем другое отношение. И я вовсе тебя не сужу. Я же не говорю, должна ты была жить с папой или нет, я говорю, что надо было мне обо всем сказать.

МАРИЯ: Это ты со своей дочерью решай, что говорить, а что нет.

ВЛАДА: Хотела бы. Но у меня есть ты.

МАРИЯ: Не огрызайся.

ВЛАДА: Господи, как тяжело-то. *(Заглядывает в коробки)* Мы еще сервиз не сложили.

МАРИЯ: Он завернут в бумагу и стоит на кухне.

ВЛАДА: Это чайный. А большой столовый с супницей?

МАРИЯ: Он на антресолях. Я убрала его, когда нам подарили другой, с сиренью.

ВЛАДА: Mam, а ты когда-нибудь пользовалась супницей?

МАРИЯ: Один раз.

ВЛАДА: Наверное, нужная вещь.

МАРИЯ: Я не дам тебе выкинуть супницу.

ВЛАДА: А что еще у нас на антресолях?

МАРИЯ: Обувь, елка, вафельница, что-то еще.

ВЛАДА: Нет, так мы никогда не соберемся. Надо лезть на антресоль и все вынимать. *(Берет стул, уходит)*

МАРИЯ: *(Идет за Владой)* Давай поддержку. *(Уходит, у выхода сталкивается с Юлией, они толкуются, чтобы разойтись.)*

Входит Юлия. Она заглядывает в коробки, что-то приподнимает, заглядывает вниз, переходит от одной коробки к другой, наконец, достает дневник Марии.

ЮЛИЯ: А, вот ты где, бабушкин дневник. Прятальщики. *(Оглядывается в направлении, куда ушли Юлия и Мария, смотрит, чем они заняты)* Ага. Почитаем. *(Садится за стол, поджав ногу под себя. Листает дневник, читает)* Фигня какая-то. Зачем записывать всю эту чушь? *(Переворачивает в конце, читает)* Мы собираемся переезжать. Весь дом заставлен коробками, никакого порядка. *(Себе)* Как будто он когда-то был. *(Читает)* Влада норовит все выкинуть, велела собрать всякий хлам. Но получается, что... *(Из коридора доносится звук падения и грохот бьющего стекла. Голос Марии: «Вот, безрукая!», голос Влады: «А нечего все захламлять!»).* Юлия встает, выглядывает в коридор, садится обратно, читает) Но получается, что то, что является хламом для нее, для меня очень полезные вещи. И наоборот. *(Себе)* Это я и без вашего дневника знаю. *(Захлопывает дневник)*

Входит Влада, она что-то ищет. Юлия прячет дневник под попу.

ВЛАДА: Что ты там прячешь?

ЮЛИЯ: Так, ерунда.

ВЛАДА: Слышала, как бабушкин сервиз разлетелся?

ЮЛИЯ: Ага.

ВЛАДА: И чего сидим? Иди, помогай.

Юлия встает, идет к выходу, пряча дневник за спиной, по дороге кладет его в одну из коробок. Влада провожает ее взглядом. Юлия уходит. Влада достает из коробки дневник, открывает, смотрит.

ВЛАДА: Ого. Интересно. *(Кричит)* Мам, я сейчас, к тебе Юлька пошла. *(Садится за стол, читает)* Фигня какая-то. *(Перелистывает, опять читает)* И зачем записывать эту чушь? *(Перелистывает в конце, читает)* Боже мой, ничего не меняется в этой жизни.

Входит Мария. Влада прячет дневник под попу.

МАРИЯ: И чего сидим?

ВЛАДА: Нога. *(Трет ногу)*

МАРИЯ: Подвернула, дай посмотрю.

ВЛАДА: Да уже все.

МАРИЯ: Я говорила, возьми стремянку.

ВЛАДА: С твоей стремянки я бы летела до соседней улицы.

МАРИЯ: Вот супницы больше и нет.

ВЛАДА: Ну, извини.

МАРИЯ: А я пользовалась ей только один раз. Почти новая.

ВЛАДА: Mam, радуйся, что я жива.

МАРИЯ: А вам ничего не жалко.

ВЛАДА: Ой, только не начинай. Я пошла. *(Встает, идет к выходу)*

МАРИЯ: *(Видит дневник)* А это что? Ты что, читала мой дневник?

ВЛАДА: Случайно на глаза попался. Думаю, что за тетрадь?

МАРИЯ: *(Берет дневник)* Ты читала?

ВЛАДА: Так, полистала. *(Мария убирает дневник в коробку идет к выходу, потом возвращается)* Mam, только я не поняла. Если это твой дневник, то почему в нем нет ничего о папе? Ты скрупулезно все записывала, все, что никак не касается тебя самой, твоей жизни.

МАРИЯ: Что ты лезешь ко мне в душу?! Мне уже шестьдесят восемь лет, и я забыла обо всем.

ВЛАДА: Нет, ну все-таки. Дневник – это ведь для того, чтобы высказывать свои мысли?

МАРИЯ: Я и высказывала. Это и есть мои мысли. Это моя жизнь – такая, какой я хочу ее видеть! Это жизнь без всякой побочной грязи, без предательства, без лжи.

ВЛАДА: Без лжи? Да это все, *(Достает дневник и трясет им)* вот это все – сплошная ложь.

МАРИЯ: А тебе какое дело?! Какая тебе разница, о чем я лгу сама себе? Какая тебе разница?

Входит Юлия, в одной руке веник, в другой савок.

ЮЛИЯ: Ну, вы идете?

ВЛАДА: *(Не оборачиваясь, Юлии)* Не видишь, мы с бабушкой разговариваем.

ЮЛИЯ: Да пожалуйста. *(Уходит)*

МАРИЯ: Я не понимаю, почему я должна отчитываться перед тобой в своих поступках. Я, как мать, сделала все возможное, чтобы вырастить тебя и выпустить во взрослую жизнь. Я дала тебе образование и дала тебе нормальную семью.

ВЛАДА: Нормальную?

МАРИЯ: Ну, раньше-то ты ничего не знала. Единственное, чему я тебя не научила – это отвечать за свои ошибки. Ты во всем, во всем винишь меня. И даже, когда ты уже далеко не девочка, ты снова обвиняешь меня. Ты плачешь, как ребенок, которого забыли в детском саду, хотя уже давно можешь сама дойти до дома.

ВЛАДА: Так вот они, плоды твоего же воспитания. Пожинай. А все потому, что у меня вместо матери был робот, который умел только отдавать короткие приказания: это нельзя, это сделать, здесь молчать. Разве я могла обсудить с тобой то, что у меня на душе? Все, все, любая моя мысль, были для тебя лишь глупостью, очередной глупостью твоей дочери-неумехи.

МАРИЯ: Потому что тебя все время все не устраивало. Чтобы я не предложила. Ты встречала в штыхы любую попытку.

ВЛАДА: Потому что за ней следовал ряд указаний: если ты поступишь так, будет вот так. Мам, а если не так? Нет, по-другому не бывает, правильно только так.

МАРИЯ: Ну, спасибо тебе, доченька!

ВЛАДА: А вот если тебе нечего было сказать, ты говорила: ну, спасибо тебе, доченька.

МАРИЯ: *(Капает в стакан капли, пьет)* А что с тобой говорить? Ты же всегда права. Поэтому Андрей и не выдержал.

ВЛАДА: Ну, спасибо тебе, мамочка! *(Плачет)*

МАРИЯ: Пожалуйста. И перестань хныкать,. И быстро-быстро вызови мне врача. *(Опускается на стул)*

ВЛАДА: Проклятый переезд. *(Роется на столике у трюмо)* Где мой телефон? *(Убегает с криком: «Юля, дай телефон!»)*

Мария встает, держась за стол, медленно ковыляет к дивану, ложится. Тикают часы. Входит Влада, укрывает Марию пледом, целует в голову, уходит. Часы продолжают тикать, потом замолкают. Из своей комнаты выезжает Лидия, она подъезжает к дивану, смотрит на Марию, потом берет ее руку и гладит. Мария открывает глаза.

МАРИЯ: Уснула. *(Приподнимается)*

ЛИДИЯ: Лежи, лежи.

МАРИЯ: Да уж хватит. *(Садится на диване)* А еще куда-то ехать собрались, две больные курицы. Теперь Владке придется одной все делать. Какие из нас помощники?

ЛИДИЯ: Ну, я и так была обузой.

МАРИЯ: Теперь у них две обузы.

ЛИДИЯ: Я вот что думаю. Может, нам с тобой занять одну комнату, а две другие отдать Владе и Юле?

МАРИЯ: Лида, ты только не обижайся, но мне кажется, что мы уже не сможем жить с тобой в одной комнате. По-молодости это было, конечно, прекрасно, Но сейчас...

ЛИДИЯ: Я просто так предложила. Чтобы потом не говорили, что я кого-то ущемляю.

МАРИЯ: Я вот смотрю на нас всех, и думаю, какие же мы эгоисты. И собрали же нас всех в одном помещении, и связали нас узами родства.

ЛИДИЯ: Когда ты родилась, я сделала для тебя подарок. Склеила бумажные шары, и привязала их резинками к сломанной вешалке. Тебе очень нравилось дергать за шары, натягивать резинки, а потом отпускать. Шары болтались и подпрыгивали, а ты хохотала.

МАРИЯ: Это ты к чему сейчас вспомнила?

ЛИДИЯ: Даже не знаю.

МАРИЯ: Спасибо тебе.

ЛИДИЯ: За что?

МАРИЯ: За подарок. Очень трогательно. Но я совсем ничего не помню.

ЛИДИЯ: Ты была тогда совсем маленькая, мы были в эвакуации, под Куйбышевом. А шары быстро поотлетали, конструкция была очень непрочная.

МАРИЯ: Как давно все было. Я не помню войны. Помню только деревянный дом с земляной насыпью. И там еще было много кошек.

ЛИДИЯ: Это мы уже вернулись и жили у деда. В нашу комнату на Приображенке, которую мы занимали до войны, вселили других людей. И мы ничего не могли доказать. Что я могла, сама еще девочка с тобою на руках. А дед нас не любил. Пустил в чулан, и то постоянно попрекал.

МАРИЯ: А потом мы переехали в Тушино.

ЛИДИЯ: Мне дали комнату. Большую, светлую комнату. Редкая удача.

МАРИЯ: Нам там было хорошо.

ЛИДИЯ: Нам там было очень хорошо. Подумать только, на весь дом всего два балкона, и один из них пришелся на нашу комнату.

МАРИЯ: А потом мы съехались с маминими родственниками.

ЛИДИЯ: Помнишь, сколько в этой квартире жило народу? Баба Дуся с сыном, тетя Клава с дядей Петей, баба Наташа, ее подруга Светлана Сергеевна, которую записали, как родственницу.

МАРИЯ: Сын бабы Дуси погиб совсем молодым, за ним ушла и баба Дуся.

ЛИДИЯ: Потом баба Наташа, а через год дядя Петя.

МАРИЯ: Светлана Сергеевна совсем быстро за ними. И тетя Клава. А потом ты уехала.

ЛИДИЯ: А помнишь, у бабы Дуси был такой маленький чайничек, и она хранила в нем кагор? И когда кто-то не мог уснуть, она наливала в ложку кагор из чайничка, и давала, как лекарство. Есть сейчас этот чайничек?

МАРИЯ: Нет. Давно уже разбился. А мне очень нравилась эмалевая статуэтка с Хозяйкой Медной Горы. У нее был зеленый сундук, а на нем сидела золотая ящерица.

ЛИДИЯ: Тоже разбилась?

МАРИЯ: Рука. У Хозяйки отвалилась рука. Я ее выкинула, когда мы делали генеральную уборку.

ЛИДИЯ: Да. Вещи приходят в негодность. И мы с тобой пришли в негодность.

МАРИЯ: Непонятно. Как так быстро пролетает жизнь? И как меняются наши понятия. Как мы радовались, когда переехали сюда. И всем хватало места, и у нас были старый бабушкин чайничек и Хозяйка Медной Горы. А теперь нам кажется, что здесь темно и холодно, и все полки заняли книги. А потом и эти книги выкинут, как я выкинула осколки чайничка и статую Хозяйки.

ЛИДИЯ: Мы уже не принадлежим себе. Нам надо сдать позиции, и пусть рулят они, те, кто моложе.

МАРИЯ: Что они понимают?

ЛИДИЯ: Может, и понимают?

МАРИЯ: Я знаю, что нельзя пускать на самотек. Это будет полный бедлам.

ЛИДИЯ: Маша, ты так терпима к людям. Почему ты так категорична со своей дочерью?

МАРИЯ: Потому что дети – это люди, за которыми надо присматривать всю жизнь.

ЛИДИЯ: Мне кажется, она уже достаточно взрослая.

МАРИЯ: Лида, что ты можешь знать? У тебя нет своих детей.

ЛИДИЯ: Да, у меня нет своих детей. *(Пауза)* Маша, я хочу тебе кое в чем признаться. У меня был ребенок.

МАРИЯ: Как?

ЛИДИЯ: Как бывает у женщины, когда она влюблена.

МАРИЯ: Только не говори, что это Митин ребенок.

ЛИДИЯ: Именно.

МАРИЯ: И как же это случилось?

ЛИДИЯ: Как обычно.

МАРИЯ: Это ты мне можешь не рассказывать. Но что, что с ребенком?

ЛИДИЯ: Я узнала, что беременна, и тут вдруг ваша с Митей свадьба. Это было, как падение в пропасть. Я хотела бежать, кричать: ты, ты никчемный человек, посмотри, что ты делаешь, опомнись. Но ты была такая счастливая, а он не замечал меня. И я поняла, что я для него ничего не значу. Надо ли мне было бороться? И потом, кто был моей соперницей?

МАРИЯ: И ты, что ты сделала?

ЛИДИЯ: Ничего. Я уехала. Ребенок родился, и я от него отказалась.

МАРИЯ: Дура.

ЛИДИЯ: А что, лучше было бы убить его? Я выносила его и отдала. И пусть он живет. Может, у него сейчас все хорошо, и он доволен, что появился на свет.

МАРИЯ: Зачем ты мне все это говоришь? Мало мы уже вытрясли старья из сундука? Тебя не было. Ты сама выбрала такой путь.

ЛИДИЯ: Мы все выбрали себе путь, и мы прошли его, и мы любили друг друга, хоть ничего не знали друг о друге. В тот день, когда ты рассказала, как Митя тебе изменял, настал и мой день истины. Мы страдали, каждая по своему, а могло бы быть совсем по-другому.

МАРИЯ: Мне очень жалко тебя. Но что касается моей жизни, то я ничего не хотела бы изменить. У меня была прекрасная жизнь, не лучше, но и не хуже, чем у других. У меня есть дочь, внучка, и пусть мы ссоримся, пусть мы все время друг другом не довольны, но мы семья. Мы всегда вместе. Мы любим друг друга, и забываем все обиды, как только чувствуем, что нужны друг другу. И ты наша семья. Что бы ни было, что бы ни открывалось, все это не имеет значения. И если мы что-то совершили, даже плохого, то это только из любви к ближнему. *(Обнимает Лидию)*

ЛИДИЯ: Святая Мария. Я жалею только об одном. О том, что скоро умру. И нет уже времени познать все то, чего я себя лишила.

МАРИЯ: Ну что ты говоришь? Живи, живи долго. Мы уедем отсюда, мы покинем это место. У нас будет много света. И зимой будет очень тепло. И мы будем говорить. Ты расскажешь мне, как жила, а я расскажу тебе. У нас есть еще очень много времени.

ЛИДИЯ: Спасибо, спасибо тебе, Маша. Но я...я хочу отомстить. Мы должны поставить точку. Раз и навсегда. За все, за меня, за тебя, за наших детей.

МАРИЯ: Что? Что ты собираешься делать?

ЛИДИЯ: Я изорву его в клочки. *(Подъезжает к коробке, заглядывает, подъезжает к другой)* Да где же он?

МАРИЯ: Господи, Лида, ты такая горячая.

ЛИДИЯ: *(Достает из коробки фотографии)* Да вот же. *(Вынимает фотографию из рамки, рамку бросает на пол, а фотографию рвет)* Вот тебе! Вот так вот!

МАРИЯ: Не надо.

ЛИДИЯ: *(Достает следующую фотографию, проделывает с ней то же, что с предыдущей)* Маша, это необходимо. Мы должны это сделать. *(Берется за следующую фотографию)* Я хотела сжечь картины, вы мне не дали. И хорошо, можно было погореть. А вот это совсем безопасно. *(Рвет следующую фотографию)*

МАРИЯ: Дай мне. Одну.

Лидия подъезжает к Марии, отдает ей фотографию.

ЛИДИЯ: Попробуй. Тебе станет легче.

Мария вынимает фотографию из рамки, рамку кладет на диван, некоторое время смотрит на фотографию, потом рвет и сжимает обрывки в кулаке. Лидия наблюдает за ней.

ЛИДИЯ: Ну как?

МАРИЯ: Хорошо. Дай еще.

Лидия передает Марии еще несколько фотографий. Они молча вынимают фотографии из рамок и рвут. Входит Влада. Она не сразу понимает, чем заняты Мария и Лидия. Когда же понимает, то отнимает у них оставшиеся фото.

ВЛАДА: Совсем сдурели! Две чокнутые старухи! Вам что, заняться больше нечем? Мама, зачем вы рвете папины фотографии?

МАРИЯ: Мы мстим.

ВЛАДА: Кому?

МАРИЯ: Ему.

ВЛАДА: Вы *(не сразу подбирает слова)* двинулись. Обе. Точно. У вас этот, массовый психоз. На почве переезда. Мне говорили, что старые люди плохо переносят переезд. *(Складывает фотографии обратно в коробку, потом достает)* Нет. Лучше спрячу.

ЛИДИЯ: Мы не двинулись. Мы сплотились.

МАРИЯ: Да. Мы сплотились.

ВЛАДА: Послушайте, вы, пролетарии. Чтобы больше ничего не смели трогать. Вам велели лежать. Вот и лежите. И пейте свои таблетки. И не трогайте ничего. *(На последних словах взвизгивает)*

МАРИЯ: Как ты разговариваешь?

ВЛАДА: Я не знаю, как с вами разговаривать. Вы... становитесь опасны. Непредсказуемы. Одна хочет нас поджечь, вторая все рвет. Зачем вы рвали папины фотографии?

МАРИЯ: Я уже отвечала, мы мстим.

ВЛАДА: Но зачем вы рвали папины фотографии? *(Голос ее дрожит, начинает плакать)* Зачем рвать папины фотографии? Кому мешают фотографии? Он умер. Его нет. Вы молчали, когда он был жив, когда я его любила, и когда его не стало, ты, мама, убивалась, и у меня, у меня не было повода ненавидеть его, или как-то по-другому к нему относиться. Он мне отец. И он был мне хорошим отцом, меня он не предавал. И это мои фотографии тоже. Зачем вы рвали папины фотографии?

МАРИЯ: *(Владе)* Прости.

ВЛАДА: Прости?

МАРИЯ: Прости. Я уже и сама не рада, что все это затеяла. Кто-то потянул меня за язык. Бывают в жизни такие поступки, от которых потом становится не по себе. Но уже ничего не исправить. Я жалею, очень жалею, что рассказала тебе. Так совпали обстоятельства. Уход из школы, переезд...

ВЛАДА: Да не оправдывайся ты. Не надо, мама. Что сделано, то сделано. Только не трогай ничего. А то кажется, что твое прошлое... как будто его нет, как будто вся наша жизнь – это какой-то спектакль, захотели – собрали декорации, захотели – разобрали. *(Подбирает с пола обрывки фотографий)* Можно склеить. И вы же здесь не одни. Зачем рвать-то?

МАРИЯ: Прости. На вот, возьми у меня. *(Протягивает Владе обрывки)*

Влада садится за стол, складывает обрывки.

ВЛАДА: Нет. Не собрать. Порвали, да еще измяли.

ЛИДИЯ: *(Подъезжает к Владе)* Давай помогу. *(Складывает обрывки)*

ВЛАДА: Да не надо.

ЛИДИЯ: Не плачь. Не все же разбито.

ВЛАДА: Да что ты понимаешь? *(Хлюпает)* Думаешь так легко остаться одной, с ребенком, с двумя старухами, теперь с этими вашими истериками? А меня, меня кто пожалеет? Я как та собака, кручусь между всеми, хвостом верчу, кто приласкает, кто пнет, все одно – хозяйева. Семейное проклятие, что ли?

ЛИДИЯ: Точно.

ВЛАДА: Что?

ЛИДИЯ: Проклятые мы.

МАРИЯ: Ну уж глупости-то не говорите. Кто вас проклял-то?

ЛИДИЯ: А что ж мы все такие несчастные?

ВЛАДА: Тебе-то, тетя Лида, еще ничего.

МАРИЯ: Лида, молчи.

ЛИДИЯ: А что? Мне сейчас, и правда, хорошо. Никогда еще так не было.

ВЛАДА: Ну, хоть кому-то хорошо. Вот это, вроде, отсюда. *(Прикладывает обрывок)* Да?

Лидия смотрит, склонив голову набок.

ЛИДИЯ: Первый раз смотрю на него, и ничего не чувствую.

ВЛАДА: Все прошло? А давайте все забудем, и будем жить, как жили.

МАРИЯ: Конечно. Давайте.

ВЛАДА: Нам еще два часа надо продержаться. Приедет машина, все погрузят. И потом...

МАРИЯ: А часы вот эти брать будем? *(Показывает на часы)* Что-то мы об этом не говорили.

ЛИДИЯ: Я под них спать не могу.

МАРИЯ: А они, между прочим, старинные.

ВЛАДА: Нет, эти часы оставлять нельзя. Их папа притащил.

МАРИЯ: Это, конечно, самое важное сейчас.

ВЛАДА: Ну, просто, их нельзя оставлять.

ЛИДИЯ: Нет, сами по себе часы не плохие. Но уж очень громко бьют. *(Подъезжает к часам, подводит стрелки, толкает маятник)* Как по голове. *(Часы бьют несколько раз)*

МАРИЯ: *(Затыкает уши)* Ну зачем?

ЛИДИЯ: Говорю же, как по голове стучат. А так да, не плохие.

ВЛАДА: Хватит. Все берем. Заберем все, а потом посмотрим.

Входит Юлия.

ЮЛИЯ: Кто звонил?

ЛИДИЯ: Я.

ЮЛИЯ: А-а. Понятно. *(Подходит к Владе)* Кто дедушку порвал?

ВЛАДА: Они.

ЮЛИЯ: А-а. Понятно. А что тут у вас?

ВЛАДА: Семья.

ЮЛИЯ: А-а. Понятно. Мам, я тут спросить хотела. В общем, это, мы можем не переезжать?

ВСЕ: Нет.

ЮЛИЯ: А-а. То есть, без шансов.

ВЛАДА: Без.

ЮЛИЯ: А я тут, это...

МАРИЯ: Опять слова-паразиты.

ЮЛИЯ: Хорошо. Я с Ромой, в общем, мы...подружились. И теперь, если я уеду...

ЛИДИЯ: Понимаешь, деточка...

МАРИЯ: Лида, дай лучше я.

ВЛАДА: Нет уж, девочки, лучше я. Юленька, доченька, у тебя таких Ром будет, ты себе даже не представляешь.

ЮЛИЯ: Конечно, вам легко говорить. Вы уже через это все проехали.

ВЛАДА: Мам, скажи ей.

МАРИЯ: Во-первых, в присутствии человека не принято говорить о нем в третьем лице. *(Влада закрывает глаза руками)* А во-вторых, деточка, тебе еще рано думать о каких-либо серьезных отношениях. В твоём возрасте думать надо об учебе и будущей профессии. *(Влада смеется)* И нечего улыбаться. Я говорю серьезные вещи. Сейчас надо заботиться о серьезных вещах. *(Лида подводит стрелки на часах)* Как ты собираешься жить? Ты должна целыми днями сидеть за книгами... *(Часы начинают бить, перебивая речь Марии)*

ЛИДИЯ: Как по голове настучали.

МАРИЯ: *(Обиженно отворачивается)* Не хотите – не слушайте.

ВЛАДА: Мам, а что мы вообще можем ей посоветовать? И чем утешить? И чему научить? А? Знатоки. Юля, живи, как считаешь нужным, и не слушай никого: ни меня, ни бабушку, ни тетю Лиду, никого. Не давай никому лезть в свою жизнь, не подстраивайся ни под кого, и тогда тебе некого будет винить.

ЮЛИЯ: И как ты себе это представляешь? Вы же мне уже здесь вот *(Тычет пальцем в голову)* лысину проделали. Уже впору Онегину письмо писать: *(с выражением)* вообрази, я здесь одна, никто меня не понимает.

МАРИЯ: На уроке бы так читала.

ВЛАДА: Мама!

ЮЛИЯ: Я не буду такой, как вы. Я в дедушку.

ВЛАДА: Вот это-то всех и пугает.

ЮЛИЯ: А что? Что вас пугает-то? Жил человек, как хотел, как ты, мама, только что мне советовала. Никого не слушал, делал, что ему нужно. И, между прочим, он, наверное, никого не винит. В отличие от вас.

МАРИЯ: Нет, ну это уже через чур. *(Владе)* Что ты ей позволяешь?

ВЛАДА: Мама!

ЮЛИЯ: А знаете, что я поняла? Зря мы переезжаем. Вот если бы мы все разъехались в разные концы города, тогда бы да, тогда бы еще был толк. А так. Ну приедем мы в новую квартиру, ну распакуемся, ну встретимся в большой комнате. И что?

ВЛАДА: Но там будет светло. И солнце. И вид из окна.

ЮЛИЯ: Но там будете вы.

МАРИЯ: Вы посмотрите, эта девочка просто издевается над нами. *(Владе)* Я говорила, тебе надо больше времени уделять своему ребенку.

ВЛАДА: Мама, опять ты начинаешь. *(Настойчивый звонок в дверь.)* Кто же это? За нами? Почему так рано? *(Снова настойчивый звонок)*

ЮЛИЯ: Сейчас нас всех спасут. Пойду открою. *(Уходит)*

Влада начинает лихорадочно собирать обрывки фотографий на столе.

МАРИЯ: Нам же еще надо одеться.

ВЛАДА: *(Встает, идет к выходу, по дороге высыпает обрывки в коробку)* Мама, успеешь еще одеться. Смотри, сколько всего надо вынести. *(Уходит)*

МАРИЯ: *(Суется)* Господи, господи, и зачем мы это все затеяли?

ЛИДИЯ: Чтобы жить.

Конец.